ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 147 (3176) Суббота, 12 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

Вместе с народом

Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС призвали советский народ мобилизовать свои творческие силы на выполнение новых задач. С огромным подъемом, ясно видя широкие перспективы небывалого расцвета и изобилия, трудятся люди советской деревни, рабочие социалистической промышленности, советская интеллигенция — весь наш народ, ибо в этом труде, в осуществлении мудрых указаний партии, направленных на удовлетворение всех потребностей человека, народ строит свое счастье.

Наши писатели с огромным воодушевлением восприняли постановление Центрального Комитета. Они стремятся своим творчеством участвовать в общенародной созидательной деятельности.

Однако писательские организации еще не сделали всех необходимых выводов, не перестроили свою работу. Пленум правления ССП, посвященный драматургии, прошел мимо тех вопросов, которые волнуют сейчас советский народ. В деятельности секретариата ССП и после сентябрьского Пленума ЦК КПСС не видно существенных сдвигов.

Перед писателями стоит большая и трудная задача: создать книги, которые помогут народу в его великой творческой деятельности. Правдивое и глубокое изображение всех областей, всех сторон жизни народа, проникновенное раскрытие духовного величия советского человека, отражение главных, типических процессов нашей эпохи — вот в чем состоит задача советской литературы. И нельзя правдиво изобразить нашу современность, не показав, что борьба за расцвет колхозов и совхозов стала великим общенародным делом.

Наша литература создала немало значительных произведений, отразивших различные периоды жизни советской деревни — от первых лет революции до послевоенных лет. В лучших произведениях советских писателей раскрыты коренные, глубокие процессы, происходившие в жизни и вызвавшие не менее коренные и глубокие изменения в человеческом сознании. В таких произведениях, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Бруски» Ф. Панферова, «Страна Муравия» А. Твардовского, поступательное движение послереволюционной деревни было изображено правдиво, без лакировки, а образы людей вырастали в типы, воплощающие важнейшие социальные явления, вырастали в полнокровные, сильные характеры. В этих книгах были воплощены острые столкновения, непримиримая борьба классов, глубочайшие социальные сдвиги.

Именно потому, что в них острая политическая актуальность сочеталась с глубиной идейно-художественного обобщения, эти книги не только не устарели, но, напротив, до сих пор читаются народом и вошли в золотой фонд советской литературы.

Советские писатели отразили многие существенные черты советского крестьянства и в годы Великой Отечественной войны,—когда образ колхозника, взявшего в руки винтовку и вставшего на защиту Родины, был отражен во многих произведениях, и ярче всего в рядовом бойце Василии Теркине,— и в послевоенные годы, когда в ряде романов и поэм было показано возвращение вчерашних воинов к колхозному труду.

Многие произведения последних лет прочно вошли в народное сознание, завоевали заслуженную любовь читателей, сыграли большую воспитательную роль. Но в свете новых задач нам сейчас особенно отчетливо видны недостатки нашей литературы. Книг о сегодняшней деревне написано еще мало, и они недостаточно глубоки. Происходит это прежде всего потому, что писатели недостаточно знают жизнь. Иногда за бросающимися в глаза очевидными недостатками не замечают достижений, не видят крупных успехов колхозного строя. А порой, напротив, принимают намеченное за уже осуществленное и закрывают глаза на недостатки и противоречия.

Для того, чтобы узнать колхозную жизнь, писателю, как воздух, необходимо постоянное общение с людьми колхозной деревни — с колхозниками и работниками МТС, с председателями колхозов и секретарями парторганизаций, с учителями, врачами, агрономами, библиотекарями, с людьми разных профессий, разных характеров. Только живое знакомство покажет писателю все многообразие, раскроет всю сложность жизни. Только в процессе такого непосредственного общения писатель увидит в пределах одного района — да что района,— в пределах одного села! — и страстных новаторов, активных общественников, трудолюбивых опытников, ревностных книголюбов, энтузиастов драмкружка и людей отсталых, лентяев, любителей легкой наживы...

Для того, чтобы правильно понять процессы, происходящие на селе, разумеется, недостаточно одного лишь непосредственного знакомства с жизнью, с людьми. Писателю необходимо глубоко изучать и экономику колхозов, и агротехнику, и проблемы организации труда, и проблемы товарооборота, и многие другие вопросы. Писатель должен сочетать знание жизни с идейной вооруженностью и научной осведомленностью, иначе он не сможет разобраться в том, что является передовым, а что мешает развитию, что является подлинно новаторским, а что тянет хозяйство колхозов назад.

К сожалению, нередки случаи, когда писателю, знающему деревню по кратковременной командировке, лобогрейка кажется вершиной техники, а электрическая лампочка — конечным итогом электрификации страны. Происходит это тогда, когда писатель не знает современной техники; он умиляется лампочкой, потому что понятия не имеет об использовании электроэнергии в колхозном производстве...

Только близко узнав людей в борьбе и труде, только поняв думы и заботы, волнующие их, писатель сможет создать образы жизненные и содержательные, проникнуть во внутренний мир тех людей, на благо которых направлены все решения партии и правительства.

Одной из важнейших задач перестройки деревни является задача глубокого воспитания людей в духе коммунизма, укрепление социалистического отношения к колхозному труду и колхозной собственности. Эту задачу советские писатели не могут решить, не вскрывая пережитков собственнической идеологии, не показывая противоречий, еще существующих в характерах людей, не выявляя и не поддерживая все передовое, коммунистическое в их сознании!

За последнее время появились интересные произведения о современной колхозной жизни. В печати широко отмечались талантливые, дающие правдивую картину колхозной жизни, проблемные очерки Валентина Овечкина; рядом с ними сейчас появились и отличные очерки А. Калинина. Большой интерес вызвали сатирические «Записки агронома» Г. Троепольского, вскрывающие отрицательные явления в колхозной деревне, и роман Ф. Панферова «Волга-матушка река», в котором поставлены многие существенные вопросы наших дней, и некоторые другие произведения.

Живой интерес широких масс читателей обусловлен тем, что все эти произведения — с разной степенью глубины, мастерства и таланта — ставят острые проблемы современности, отражают жизнь правдиво и многогранно, и в ее положительных и в ее отрицательных явлениях.

К смелости, к глубокому проникновению в глубь явлений, к безбоязненному изображению жизни — в том числе трудностей и противоречий — призывают писателей решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Если писатель умеет зорко подметить и активно поддержать все новое и прогрессивное, чутко уловить и гневно разоблачить все отжившее, — это значит, что он вторгается в жизнь и действенно помогает партии и народу.

Боевой оперативный очерк и острая публицистическая статья, основанные на серьезном изучении и умелом обобщении фактов, пропагандирующие передовой опыт и вскрывающие недостатки, приобретают особенно актуальное значение. Этим жанрам многие писатели не уделяют внимания, забывая при этом традиции и классической и советской литературы. Ведь писал же великий романист Лев Толстой прекрасные злободневные очерки и статьи, ведь вошли в сокровищницу русской классики очерки и статьи Успенского и Короленко, Чехова и Горького! Ведь не только песня и стих, но и очерк были в арсенале Маяковского! А во время Великой Отечественной войны публицистика А. Толстого и И. Эренбурга, М. Шолохова и П. Павленко, Н. Тихонова и Б. Горбатова, К. Симонова и В. Гроссмана, Б. Полевого и В. Вишневского и многих других прозаиков и поэтов находилась, как тогда говорили, «на вооружении» Советской Армии. Оружием публицистики хорошо владеют лучшие наши писатели, и это оружие они должны широко использовать в борьбе за осуществление решений сентябрьского Пленума.

Большие художественные обобщения, постановка кардинальных идейных и психологических проблем, создание многогранных, духовно богатых образов, глубокое раскрытие процессов борьбы и роста открывают широкие перспективы перед повестью и романом, перед драмой и поэмой. Большая работа предстоит и советским сатирикам, призванным бичевать все то, что мешает советским людям итти вперед. Эпиграмма и басня, фельетон и сатирическая комедия, рассказ и памфлет должны найти свое место в борьбе.

Все жанры, все средства искусства должны служить выполнению новых исторических задач.

ТЕЛЕГРАММА

Президенту Чехословацкой Республики
товарищу Антонину ЗАПОТОЦКОМУ

ПРАГА

В день 10-й годовщины подписания советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве прошу Вас, товарищ Президент, принять от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР и от меня лично сердечные поздравления.

Президиум Верховного Совета СССР желает чехословацкому народу дальнейших успехов в укреплении своего народно-демократического государства, неуклонного подъема и процветания дружественной Чехословакии, упрочения советско-чехословацкой дружбы в интересах мира и международной безопасности.

К. ВОРОШИЛОВ

ТЕЛЕГРАММА

Председателю Совета Министров Чехословацкой Республики
товарищу Вильяму ШИРОКОМУ

ПРАГА

По случаю десятой годовщины подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой, прошу Вас, товарищ Председатель, и Правительство Чехословацкой Республики принять мои сердечные поздравления.

Истекшие десять лет подтвердили, что этот Договор отвечает жизненным интересам наших стран, способствуя укреплению мира и безопасности в Европе. Значение Договора возрастает особенно теперь, когда попытки возродить германский милитаризм вызывают законное беспокойство всех миролюбивых народов Европы.

Желаю братскому чехословацкому народу и Вам лично дальнейших успехов в деле укрепления и процветания народно-демократической Чехословацкой Республики.

Пусть крепнет нерушимая дружба и сотрудничество Советского Союза и Чехословацкой Республики на благо народов наших стран, в интересах упрочения мира в Европе.

Г. МАЛЕНКОВ

Президиуму Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик,
товарищу Клименту Ефремовичу ВОРОШИЛОВУ
Совету Министров Союза Советских Социалистических Республик,
товарищу Георгию Максимилиановичу МАЛЕНКОВУ

МОСКВА

Уважаемые товарищи!

В день, когда весь чехословацкий народ радостно отмечает 10-ю годовщину со дня подписания советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, примите наши пламенные приветы и самые сердечные поздравления, равно как и заверения в искренней дружбе, благодарности и любви чехословацкого народа к великому советскому народу, неудержимо идущему вперед, к сияющим вершинам коммунизма.

Советско-чехословацкий Договор, подписанный 12 декабря 1943 года в Москве, является убедительным выражением новых в истории отношений между народами, основанных на последовательном уважении независимости и взаимных интересов. Этот Договор, заключенный в духе ленинско-сталинской политики мира и дружбы между народами, проникнутый принципами пролетарского интернационализма, равноправия и дружбы народов, положил прочную основу тесному союзу и братскому сотрудничеству между народами Чехословакии и Советского Союза и стал знаменательной вехой не только во взаимных советско-чехословацких отношениях, но и в истории нашей Родины.

Неоценимая, самоотверженная помощь Советского Союза принесла нашей Родине освобождение от ига фашистского рабства. С любовью и восхищением приветствовал чехословацкий народ в своей стране славную Советскую Армию-Освободительницу. Свобода, завоеванная нам Советским Союзом, — это настоящая свобода, которая дала нашему народу возможность избрать себе новый в истории путь, путь к счастливому, социалистическому будущему в освобожденном отечестве. Великодушная братская помощь Советского Союза, оказываемая нам во всех областях нашего строительства, и богатый неисчерпаемый опыт, который нам Советский Союз так охотно и бескорыстно передает, способствовали тому, что наш народ смог достигнуть больших успехов в развитии экономики и культуры и обеспечить неустанное повышение жизненного уровня и благосостояния всех наших трудящихся.

Чешский и словацкий народы могут в настоящее время заниматься мирным и созидательным трудом в деле строительства социализма в нашей стране, ибо союз и дружба с Советским Союзом и другими странами могучего и непобедимого лагеря мира укрепляют международное положение нашей Родины, обеспечивают ее независимость и безопасность и дают ей уверенность в том, что уже никогда и ни в какой форме не повторится мюнхенская трагедия. Настойчивая и героическая борьба Советского Союза за мир и за дружбу между народами является одновременно борьбой за счастливое будущее нашей страны. Поэтому наш народ стоит в этой борьбе непоколебимо бок о бок с советским народом и всеми силами поддерживает его усилия, направленные на ослабление международной напряженности и мирное урегулирование всех спорных международных вопросов.

Сегодня, в славный день 10-й годовщины подписания советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, весь чехословацкий народ вновь с благодарностью и любовью припоминает себе, что означал для него в прошлом этот Договор, и осознает также его великое значение для своего будущего. Дружба и союз с Советским Союзом являются основой независимости, безопасности, мира, счастья и процветания нашей Родины.

Да здравствует нерушимая дружба и союз советского и чехословацкого народов!

Да здравствует и пусть становится все более мощным славный Советский Союз, да здравствует и процветает непобедимый героический советский народ!

А. ЗАПОТОЦКИЙ, Президент Чехословацкой Республики

В. ШИРОКИЙ, Председатель Правительства Чехословацкой Республики

г. ПРАГА, 12 декабря 1953 года.

ТЕЛЕГРАММА

Министру Иностранных Дел Чехословацкой Республики
товарищу Вацлаву ДАВИДУ

ПРАГА

Примите, товарищ Министр, мои сердечные поздравления по случаю 10-й годовщины со дня подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой.

Позвольте выразить твердую уверенность в том, что братская дружба и тесное сотрудничество между Чехословакией и Советским Союзом будут и впредь надежно служить интересам наших народов и, вместе с тем, делу укрепления европейской безопасности и упрочения мира во всем мире.

В. МОЛОТОВ

Уважаемому товарищу Вячеславу Михайловичу МОЛОТОВУ,
Первому Заместителю Председателя Совета Министров СССР и Министру Иностранных Дел СССР

МОСКВА

Уважаемый товарищ Министр,

Разрешите мне по случаю десятой годовщины со дня подписания Чехословацко-советского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве послать Вам свой пламенный привет и сердечное поздравление. Подписание Чехословацко-советского союзнического договора 12-го декабря 1943 года в Москве было выражением глубочайших чувств дружбы и братской солидарности, которые наш народ еще от победы Великой Октябрьской социалистической революции питал к советскому народу и которые еще больше углубились в период второй мировой войны, когда наш народ страдал под сапогом фашистских оккупантов и с непоколебимой надеждой в сердце ждал помощи и освобождения, которые ему могла принести только победа наступающей славной Советской Армии. Дружба и союз с Советским Союзом после освобождения стали основным принципом внешней политики новой Народно-демократической Чехословацкой Республики. Наша Родина при всех своих внешнеполитических действиях может полностью и уверенно опереться на дружбу и союз с Советским Союзом. Чехословацкий народ ясно сознает, что дружба и союз с Советским Союзом являются наиболее надежной гарантией его счастливого социалистического будущего, и поэтому эту дружбу и союз всегда будет хранить как самое дорогое наследие, которое он получил в годы труднейших испытаний и страданий. Чехословакия всегда будет стоять верно бок о бок с Советским Союзом, неутомимо борющимся за сохранение самой большой ценности всего человечества — прочного демократического мира — путем мирного разрешения всех спорных международных вопросов и устранения угрозы новой мировой войны.

Да здравствует вечная чехословацко-советская дружба!

Да здравствует непобедимый лагерь мира, надежно и уверенно руководимый великим Советским Союзом!

Вацлав ДАВИД, Министр Иностранных Дел Чехословацкой Республики

Международные отклики

„Визиты вежливости"

Рис. Бор. Лео

В арабских странах привыкли к частым «визитам вежливости» знатных гостей из-за океана. Этой стереотипной дипломатической формулой прикрываются все те, кто до поры до времени предпочитает хранить подлинные цели своего визита в тайне: дипломаты, занятые сколачиванием новых военных блоков, милитаристы, рыскающие по свету в поисках военных баз, банкиры, мечтающие о выгодном помещении своих долларов, промышленники, не знающие, кому сбыть залежалые товары.

К «визиту вежливости» американского вице-адмирала Райта в столицах некоторых арабских стран отнеслись с большой настороженностью. Чувство вполне понятное, если вспомнить, что многочисленные эмиссары Вашингтона, посетившие в течение последних месяцев страны Ближнего Востока, были озабочены одной навязчивой идеей: каким образом объединить страны этого района в военный блок, который служил бы подспорьем для осуществления американских агрессивных планов в бассейне Средиземноморья.

Вашингтонские стратеги уже давно помышляют превратить Средиземное море в «американское озеро». Еще в прошлом году журнал «Сатердей ивнинг пост» хвастливо писал, что «хозяином Средиземного моря» является американский адмирал Кэрни. Под его командованием, пояснял журнал, уже тогда находился не только американский 6-й военно-морской флот, но и французский и итальянский средиземноморские флоты, турецкие и греческие военно-морские силы. Не забыл журнал упомянуть и об американских военных базах в Тунисе и Марокко.

С тех пор вашингтонским милитаристам удалось расширить свои позиции в бассейне Средиземноморья. Недавно заключенные соглашения с Испанией и Грецией предоставят в их распоряжение военные базы в этих двух странах. По самым последним сообщениям, Пентагону удалось навязать военное «соглашение» Ливии, на территории которой также предполагается создать сеть американских аэродромов. Теперь, для того чтобы кольцо американских военных баз вокруг Средиземного моря сомкнулось, Вашингтон старается сломить сопротивление арабских стран его военным планам.

Сирийская газета «Аль-бинза» сообщает, что Райт потребовал от правительств Сирии и Ливана ответа, намерены ли они «сотрудничать» с Соединенными Штатами в организации «обороны» Ближнего Востока путем создания военных баз на их территориях.

Ливанские газеты, со своей стороны, уточняют, что Райт настаивал, в частности, на том, чтобы Ливан согласился подписать с США двустороннее военное соглашение о союзе. По утверждению тех же газет, Пентагон взял сейчас курс на заключение таких соглашений с каждой арабской страной в отдельности. Чем объяснить этот новый маневр? Дело в том, что арабские народы сорвали все предпринимавшиеся до сих пор западными державами усилия склонить их к участию в плане создания «средневосточного командования» или в других вариантах военного блока.

Мимо внимания политических наблюдателей не ускользнул тот факт, что новая тактика американских дипломатов на Ближнем Востоке направлена своим острием против английских интересов. Ведь если планы создания «средневосточного командования» предусматривали участие Англии в военных мероприятиях, то двусторонние соглашения с арабскими странами исключают такую возможность.

Правящие круги Англии рассматривают американские интриги в арабских странах, как прямой подкоп под позиции Британской империи в бассейне Средиземноморья. По сообщениям иностранной печати, острые разногласия между Америкой и Англией по ближневосточным вопросам обнаружились на бермудском совещании, что еще больше омрачило господствовавшую там мрачную обстановку. Корреспондент египетской газеты «Аль-Ахрам» сообщал с Бермудских островов, что Англия потребовала признания Ближнего Востока своей сферой влияния. Это требование, по словам корреспондента, вызвало возражения со стороны Соединенных Штатов.

Ливанская газета «Ориан» прямо указывает, что государственный департамент и Пентагон решили «прибегнуть на Ближнем Востоке к свободе действий... без участия Франции и Англии». Характерно, что Райт, по свидетельству той же газеты, получил указание обратиться с предложением о заключении двусторонних соглашений не ко всем арабским странам, а только к тем, которые «не входят в сферу английского влияния». К числу этих стран газета относит Ливан, Сирию, Саудовскую Аравию. Ясно, что ложная демонстрация умеренности вашингтонских аппетитов рассчитана на то, чтобы не возбуждать слишком больших подозрений в Лондоне.

...На Востоке есть хорошая пословица: кто не думает об исходе дела, тому судьба не друг. Знатные гости из-за океана, прибывающие с «визитом вежливости» в арабские страны, как видно, не следуют этому мудрому житейскому правилу.

ЛИТЕРАТОР

Украина готовится к празднику

КИЕВ. (**Наш корр.**). Украина готовится широко отметить выдающееся историческое событие — праздник 300-летия воссоединения с Россией.

К празднику выйдет много научных трудов. Так, институты истории Академий наук СССР и УССР выпускают трехтомный сборник исторических документов периода национально-освободительной борьбы украинского народа против польской шляхты и за воссоединение Украины с Россией. В сборнике свыше семидесяти писем Богдана Хмельницкого.

Академия наук Украинской ССР наметила большую программу различных мероприятий, начиная от лекций и докладов, с которыми выступят ученые, и кончая научными сессиями. С января по май 1954 года будут проведены научные сессии отделений академии и расширенные заседания ученых советов институтов. Сессия отделения общественных наук состоится в г. Переяслав-Хмельницком. В мае будет проведена торжественная сессия академии.

Львовский филиал академии проведет выездное заседание ученого совета в местах, где проходили бои войск Богдана Хмельницкого против польской шляхты. Работники Львовской академической библиотеки выявили в архивах более 500 ценнейших документов, писем и материалов, относящихся к периоду деятельности Богдана Хмельницкого. Многие из этих документов изучаются впервые.

В различных городах республики создаются выставки. События, связанные с воссоединением Украины с Россией, стали темой новых работ и многих украинских художников, скульпторов, композиторов.

* *
*

В клубе писателей состоялось общее собрание киевских литераторов, посвященное постановлению ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР о 300-летии воссоединения Украины с Россией.

Выступающие говорили о почетном долге украинских литераторов отразить в своих произведениях великую братскую дружбу двух народов, а также о задачах, которые стоят перед писательской организацией в связи с подготовкой к празднику.

На собрании выступили писатели Ю. Збанацкий, А. Малышко, Н. Рыбак, А. Турчинская, Е. Кротевич, Л. Вышеславский и В. Вильховой.

Обсуждение произведений о колхозной деревне

9 декабря в ССП состоялось совещание, посвященное обсуждению произведений последних лет о колхозной деревне.

Открывая заседание, **А. Сурков** сказал, что работа недавно прошедшего XIV пленума правления Союза советских писателей не была пронизана теми вопросами, которыми живет наша страна. Перед литературой вплотную стоит задача—остро и оперативно откликаться на те грандиозные события, которые совершаются в деревне. Мы часто изображали сельскую жизнь неглубоко, описывали только то, что видно с первого взгляда. Поэтому важные и глубинные процессы, происходившие в деревне, часто проходили мимо внимания писателей.

В. Закруткин подчеркнул в своем выступлении, что многие писатели, поверхностно зная действительность, не смогли своевременно осветить те назревшие серьезные вопросы, которые стояли и стоят перед нашим сельским хозяйством.

Своими мыслями о работе над сценарием о деревне поделился кинорежиссер **А. Довженко**. Работа над колхозной темой, сказал он, представляется мне сейчас не как творчество писателя в кабинете, в окружении книг, а как долгое его пребывание среди людей, которые трудятся над преобразованием сельского хозяйства. Колхозника надо близко узнать; ведь колхозник — это не временная должность, а творец хлеба для народа.

В. Закруткин, О. Кретова рассказали о своих наблюдениях над жизнью колхозной деревни, о процессах, происходящих в ней, о трудностях, возникающих там сегодня. **Г. Николаева** говорила о том, что, только глубоко узнав все стороны жизни колхоза, можно разобраться — что в нем действительно передовое и каковы мешающие ему противоречия. Так, например, не следует обольщаться наличием блестящей техники: надо посмотреть, как она используется, как организован труд людей.

А. Михалевич, И. Падерин в своих выступлениях подчеркнули, что писатели — и прежде всего крупные писатели — могут сейчас, как никогда, помочь партии и народу в деле быстрейшего подъема сельского хозяйства своими острыми, оперативными очерками и публицистическими статьями. Существует еще своеобразное «аристократическое отношение» некоторых писателей и критиков к колхозной тематике.

Ю. Чепурин критиковал пьесу В. Овечкина и Г. Фиша «Народный академик», в которой отсутствует драматургическое действие и бледно очерчены основные образы.

Т. Трифонова говорила о наметившемся в последних произведениях (очерки В. Овечкина, А. Калинина и Г. Троепольского, повести Т. Журавлева, В. Тендрякова, А. Вальцевой, роман Ф. Панферова) сдвиге в сторону более глубокого и проблемного изображения жизни.

Г. Троепольский высказал верную мысль о том, что серьезная опасность, стоящая сейчас перед писателями, пишущими о деревне,— это иллюстративность. Помогать партии находить новые проблемы, подсказывать пути их решения — вот задачи, стоящие перед советскими литераторами.

К сожалению, этот недостаток — слабое обобщение фактов — был характерен и для самого обсуждения. Большинство выступавших, рассказывая о своих наблюдениях, встречах, разговорах с колхозниками, работниками МТС, не поднимались до обобщений, не говорили об общей картине развития колхозной деревни, о перспективах ее роста. На это обратил внимание **Н. Грибачев**. Он подчеркнул также, что некоторые писатели, обращая пристальное внимание на недостатки, имеющиеся в колхозах, иногда не видят нового. «Многообразие живой советской действительности, — сказал он,— требует и многообразия форм для своего отображения. Нам нужна и сатира на бюрократа, и восторженный гимн в честь энтузиаста».

Серьезный недостаток совещания состоял в том, что круг обсуждаемых литературных вопросов не был четко определен. Никто из выступавших не дал разбора произведений последнего времени.

Нельзя не пожалеть, что обсуждение было прекращено после того, как выступили десять ораторов, и что в нем не приняли участия не только ведущие московские писатели, но даже и некоторые из литераторов, специально приехавших на это совещание.

Разговор об изображении колхозной деревни еще только начат. Писательским организациям и печати предстоит продолжить его, глубоко анализируя произведения о людях колхозного села.

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ ХУДОЖНИЦЫ ГОРИНОЙ

1. С заседания художественного совета главка Анна Горина возвращалась в хорошем настроении: ее первый рисунок для ткани получил отличную оценку.

Ехать из Москвы до Киржача, на комбинат, где работала Анна, пришлось сумрачным осенним вечером, но для нее это был один из самых ярких и праздничных вечеров. Где-то на лесной пересадочной станции в вагон подсели колхозницы, возвращавшиеся с рынка. В пути девушки стали показывать друг другу покупки. Внимание всех привлек большой шерстяной платок — на кремовом фоне пламенели гроздья рябины, переплетенные с золотистыми, опаленными осенними утренниками листьями клена.

— Ну, живые, ой, как есть живые! — не удержалась, воскликнула одна девушка. — Будто кто с ветки рябину сняла.

Анна слушала разговор девушек, и ей хотелось, чтобы так же любовались тканью и с ее рисунком.

Вскоре после того, как она вернулась в Киржач, ее рисунок был пущен в производство. Анна часто наведывалась в печатный цех, где снимались копии с ее оригинала. Заведующая отделочным производством Ольга Степановна Моисеева, опытный, хорошо знающий свое дело химик, посвящала Анну во все тонкости воспроизведения рисунка на ткани.

— Будете, Аня, знать технологию, — наставляла она Горину, — поможете и нам бороться за качество воспроизведения рисунка. Запомните: тогда удается ткань, когда художники дружат с колористами.

Пока воспроизводились кальки с рисунка, колорист Филиппов подбирал краски для печатания ткани. Он порою целый день тратил на поиски нужного оттенка.

— Ну, не то получается, Валентин Иванович! — огорченно говорила Анна Филиппову, когда после тщательных поисков он вынужден был изменять оттенок, — смотрите, здесь каждая краска по-весеннему лучиться должна, а на деле все хмурится.

— Что же делать, нет нужных красителей, — объяснил Филиппов. — Вот! Смотрите!.. — он раскрыл объемистый альбом, в котором были наклеены десятки квадратных кусочков тканей самых разнообразных оттенков, расцветок, полутонов. — Они окрашены теми красителями, которые нам нужны. Если бы мы их получали!.. Можно было бы дать на шелковой ткани каждый нюанс рисунка, самого многоцветного... А получаем только это, — он взял другой альбом, в котором были полтора-два десятка образцов, преимущественно мрачных, серых тонов.

— Как же вы работаете? — поражалась Горина. — С такой гаммой не создашь красивых тканей!

— А вот так и работаем, «изловчаемся», «приспосабливаемся», — с досадой говорил Филиппов. — Мы получаем нередко такую продукцию, что даже нельзя запустить ее в производство. В красках попадается песок. Это приводит к тому, что перетираются «сетки». Часто меняют консистенцию и состав загустителей... Порою не веришь, что заводские ОТК могут пропускать такую продукцию. И знаете, что еще поражает? Сколько я здесь работаю, не помню, чтобы с заводов кто-либо приехал к нам, поинтересовался — каково качество их красок. Даже на наши рекламации и то отвечают редко, общими фразами.

Наступил, наконец, день, когда Анна увидела готовую ткань с ее рисунком. Он не принес ей радости. В товарном кабинете, где собрались руководители цехов посмотреть на новые образцы, среди других лежали на прилавке и куски шелкового крепдешина разных расцветок с ее рисунком. Пышные подснежники казались увядшими, они блекло проступали на каком-то сероватом фоне. Рисунок был холодным, немым.

«Нет, за такую ткань не поблагодарят меня наши женщины», — краснея, подумала художница.

— Ты не волнуйся, Анна, — обнимая ее, говорила Ольга Степановна. — Рисунок у тебя хороший, ясный, свежий... Но, что же поделаешь, обеднили мы его в производстве. У тебя палитра богатая, а у нас бедная... Будем же когда-нибудь побогаче... Обязательно будем!

2. Три года прошло со дня дебюта Анны Гориной, художницы Киржачского шелкового комбината. Уже не один раз на художественном совете Главного управления шелковой промышленности ее рисунки удостаивались отличной оценки. Но каждый раз, как и тогда, в первую осень работы на комбинате, Анне приходилось испытывать горечь разочарования, наблюдая, как же замысел воплощается в ткани.

Можно было пойти по иному, по ложному, порочному пути — создавать обедненные рисунки, приспосабливаясь к той небогатой, «с провалами» (как говорят печатники), гамме красителей, которую получали киржачи. Но Анне, да и другим ее товарищам это было не по душе.

Горина вместе с колористом Филипповым просиживала часами, выискивая возможности комбинации тонов и оттенков для того, чтоб ткань «заиграла».

С каждым месяцем ее рисунки становились все совершеннее, ее альбом обогащался зарисовками лесных и полевых цветов, ягод, листьев, ветвей. Многие явления быта и природы были толчком для рождения художественного замысла. Как-то она смотрела кинофильм, — костюм актрисы, одетой в темное, вызвал у нее желание создать ткань с черным фоном, на котором будут разбросаны листья...

Она увлеченно работала над эскизом, а потом показала его заведующему художественной мастерской Годовушкину.

— Интересно! — одобрил он ее замысел. — Но с этим придется погодить. Такую ткань можно делать при помощи «вытравки». А у нас нет на комбинате зрельника.

— Почему же не закажут?

— Плохо, очевидно, мы заказывали. Сперва машиностроители обещали изготовить зрельник, а потом отказались. Непонятно, почему. Агрегат этот несложный, можно сделать на любом машиностроительном заводе, даже на Ореховском, нашего министерства.

Действительно, история со зрельником становится более понятной, когда знакомишься с количеством потребления сернистых и кубовых красителей. На текстильных фабриках предпочитают применять сернистые, хотя это и не стойкие краски, зато с ними меньше хлопот, не нужны дополнительные устройства. При этом не говорится прямо о том, что технология крашения кубовыми красителями более сложная, а делаются ссылки на отсутствие аппаратуры и агрегатов, в частности, того же зрельника.

И все же Анну не расхолодили огорчения.

Ее увлекла работа. Каждая пора года приносила ей свои радости. Вот распускались на березах молодые, клейкие листочки, и она набрасывала эскизы рисунка ткани — между гирляндами подснежников березовые листки. Вот проходило северное лето с его обилием красок, с россыпями крохотных, но таких ясных своим цветением растений на заливных лугах и полянах.

Анна в такие минуты забывала о том, что опять придется мучиться вдвоем с Филипповым над решением головоломной задачи: отыскиванием какого-нибудь полутона, какого-нибудь трепетного оттенка. Она была поглощена только одним: создать яркую и нежную, как эта флора, ткань, нарядить в нее людей труда.

3. Вот и сейчас, в эти дни, «запущен», как говорят производственники, в печать еще один рисунок Анны Гориной.

Художница с такой же тревогой, как впервые, вместе с колористом подбирает красители. Колорист не отступает, он полон решимости передать замысел художника. Сколько изобретательности проявляет он для того, чтобы из шести-семи красителей скомбинировать 12—15 цветов!

Когда Анна проходит мимо длинных столов, на которых разостлано шелковое полотно, и видит, как с помощью примитивных шаблонов работницы наносят краски на шелк, — она старается не смотреть на ткань. Ей кажется, что на каждом метре она обнаружит «несовмещение» деталей рисунка. Она с завистью вспоминает о том, что на московском комбинате «Красная Роза» применяют даже для ручной печати усовершенствованную каретку, а в других отраслях текстиля отлично работают многоцветные печатные машины.

«Правда, креповые ткани сложнее хлопчатобумажных. Но ведь можно каретку применить и у нас, — думает Анна, — и почему это наш главк так медленно распространяет передовой опыт... Почему до сих пор ручная печать не механизирована? Сколько брака из-за того, что при таком способе печатания одна часть рисунка не совмещается с другой!.. Ведь почти на каждом куске можно обнаружить несовмещенные линии».

...Когда Анна Горина окончила техникум, ей казалось, что она уже мастер своего дела. А вот теперь, после нескольких лет практической работы, она поняла, как много еще нужно учиться для того, чтобы добиться совершенства рисунка, чтобы познать тайны передачи красок...

— А у кого учиться, как? — говорит она. — В мастерской семь художников, и все мои ровесники. Нам нужно совершенствовать мастерство, а систематически никто в этом не помогает. Правда, дирекция предоставляет творческий день — один раз в неделю. Я так же, как все остальные, хожу летом на зарисовки, а зимой занимаюсь этюдами. Но этого мало! А литературы нет, пособий тоже, курсов совершенствования нет, с новой техникой, внедренной на других предприятиях, мы не знакомы. Что же, кустарничать, перепевать самого себя?

Слушаешь Анну Горину и вспоминаешь лесковское изречение: «У нас многие думают, что «художники» — это только живописцы да скульпторы, и те такие, которые удостоены этого звания академиею, а других не хотят и почитать за художников».

Очевидно, не почитают художниками мастеров оформления ткани и в Министерстве промышленных товаров широкого потребления СССР. Иначе, чем же объяснить, что систематическая профессиональная учеба их не налажена!

Анна Горина, как и другие фабричные художники, должна бывать на художественных выставках, посещать музеи, творческие диспуты. Ее работу нужно систематически просматривать, но не только на утилитарных осенних и весенних художественных советах, а в творческом кругу. Ее эстетические вкусы нужно воспитывать. Мастера живописи и графики, выдающиеся деятели изобразительного искусства нашей страны должны помочь фабричным художникам совершенствовать свое мастерство.

Г. МАРЯГИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

г. КИРЖАЧ,
Владимирской области.

В. БЕРЕСТОВ

Гусь и его критики

БАСНЯ

Однажды Гусь,
вытягивая шею,
Расхвастался на
целый птичий двор:
— Сам поражен я
широтой своею.
Ведь я,
как человек,
ходить умею,
Как рыба,
плаваю,
А если захочу,
И полечу —
через забор!
Индюк подпел:
— Стихии вам
подвластны!
А Утка молвила:
— Я с Индюком согласна.
У вас такой
обширный кругозор...
— Ко-ко-коллега мой! —
Петух воскликнул с жаром.
— Я дружбой вашею горжусь!
Недаром
Повсюду говорят:
«Хорош, мол, Гусь!»

Так славил Гуся птичий говор,
Пока не появился Повар.

И только полетел гусиный пух.
— Я знал, — вздохнул Индюк, —
что Гусь гогочет глупо,
Что он годится лишь для супа!
— Ну мог ли он ходить, —
проговорил Петух, —
С такими лапами, с такой фигурой?
Он ко-ко-ковылял.
Над ним смеялись
куры!
Вслух!!
А Утка молвила:
— Ведь правду
говоря,
Гусь плавать
не умел, и чванился
он зря!
Как он летал, скажи
на милость,
На крыльях недо-
развитых своих?!

**

А вам встречать не приходилось
Трусливых критиков таких?

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ОДОБРЯЮТ, А В ЖИЗНЬ НЕ ПРОВОДЯТ»

Под таким заголовком 17 ноября 1953 года в № 136 «Литературной газеты» было опубликовано письмо зоотехника Н. Комарова и агронома Ф. Герасимова. В письме содержалась критика Главного управления животноводства Министерства сельского хозяйства СССР, которое не внедряет в практику новый распорядок дня работы на фермах, предложенный зоотехником А. Жолниренко.

Главное управление животноводства сообщило редакции, что министерствам сельского хозяйства союзных республик предложено оказать колхозам помощь во внедрении на животноводческих фермах нового распорядка работ, облегчающего труд доярок.

Представленная новатором рукопись «Новая система организации труда на животноводческих фермах» сдана в Сельхозгиз для издания в этом году. В декабре намечено издать массовым тиражом листовку об опыте работы А. Жолниренко.

Главное управление животноводства организует в течение зимы систематическое освещение в печати опыта внедрения нового распорядка работ на колхозных фермах.

ФЕЛЬЕТОН

Из записок уборщицы

1951 год. Сентябрь.

Была сегодня в райкоме комсомола в связи с нашим институтом. Оказывается, Миша Седелкин, с которым мы приехали вместе в Магнитогорск, уже инструктор райкома. Как быстро растет парень! А я целых три месяца работаю в научно-исследовательском институте и все еще в должности уборщицы.

1951 год. Декабрь.

Разговаривала с истопницей тетей Пашей. Помочь ничем не может, но все-таки выслушала меня. Она тоже считает, что положение в нашем институте катастрофическое и посоветовала мне перейти на другую работу, а то, говорит, виноватой будешь. Институт организовало Министерство здравоохранения РСФСР, ликвидировав для этого институты в Рязани и Пензе. Министерство считает, что нужно приблизить науку к производству, и поэтому решило открыть наш научно-исследовательский институт в Магнитогорске. Это правильно. Называется наше учреждение — Институт гигиены труда и профессиональных заболеваний. Однако для всего института нам дали одну комнатку в шесть квадратных метров с дыркой в потолке.

Сегодня пришла телеграмма из министерства, что нам переводят 350 тысяч на покупку оборудования, но только с тем, чтобы мы их истратили обязательно в этом году. До конца года осталось три дня. Все, кто служит в институте, срочно отправились в ближние города. Меня послали закупить оборудование в нашем городе. Из списка приборов и механизмов, который мне дали, удалось найти термометры и карандаши. Уже истратила шестьдесят рублей.

1952 год. Январь.

Сегодня была у Миши Седелкина. Разговаривал со мной сухо: «Как, ты еще не наладила там работу? Ведь тебя уже три месяца как избрали комсоргом?!» Я ему собиралась сказать, что у нас нет ни одной лаборатории и ни одного научного сотрудника. Лично я проверила на себе все двадцать градусников, которые купила. На восемнадцати было 36 и 6. На двух больше 35 не набиралось. Что же я могу еще сделать для науки — просто не представляю. Но Миша меня даже слушать не хочет. Он утверждает, что Ломоносову было еще трудней, однако он сделал мировые открытия и даже стихи писал.

Миша простился со мной очень сдержанно и сказал, что я буду за все отвечать, потому что я комсорг. Все-таки он — черствый парень. Как он не понимает, что помещения нам не строят, так как у нас нет ученых, а ученых нам не присылают, так как у нас нет помещения.

1952 год. Май.

Ура! Начала вести научную работу. Наш новый и единственный научный сотрудник тов. Розет решил сосчитать, кто чем болел из рабочих нашего комбината после войны. Я читаю больничные карточки и выписываю: ангина — налево, грипп — направо.

1952 год. Июль.

Уже сосчитала всех больных гриппом за семь лет. Помещения у нас нет, и я работаю в коридоре на сквозняке. Кажется, у меня грипп. Решила никому об этом не говорить. Меряю температуру теми градусниками, которые больше 35 не показывают. Теперь на них 36 и 8. Не так много.

1952 год. Август.

Встретила странного человека. Он спросил, не строитель ли я? А когда узнал, что уборщица, очень обрадовался. Ему уборщицы тоже нужны. Он директор филиала Научно-исследовательского института промышленных сооружений, и фамилия его Лобачев. Оказывается, в Москве есть Центральный научно-исследовательский институт, в котором директор тов. Туркин. Этому тов. Туркину пришла тоже хорошая мысль в голову — приблизить науку к производству. Поэтому он попросил разрешения открыть филиалы своего института в Свердловске, Магнитогорске, Иркутске и даже на Дальнем Востоке. Когда было получено разрешение, тов. Туркин послал в каждый намеченный город по директору, а ученых, сказал, вы на месте найдете.

И действительно, тов. Лобачев уже нашел уборщицу Маню Тараскину и теперь стал меня переманивать. Перспективы очень большие. Так как по штату уборщиц не полагается, то меня зачислят лаборанткой.

1952 год. Ноябрь.

Я на новом месте. Тов. Лобачев уже набрал пять девушек с семилетним образованием, как у меня. Нас будут учить на лаборанток. Так как ученых ЦНИПС не присылает, то тов. Лобачев решил воспитать из нас свои кадры. Из Министерства строительства пришла странная бумага о том, что министерство утвердило центральному институту в Москве четыре новых научных должности за счет сокращения этих же должностей в нашем институте. Оказывается, вот зачем нужен наш филиал: не для того, чтобы давать нам ученых, а для того, чтобы отбирать у нас штатные единицы.

1953 год. Февраль.

Горфо предупредил нас, что он закроет все штаты, потому что мы их никак не можем заполнить. Тов. Лобачев обошел весь город, но не нашел ни одного ученого. Нам дали комнату для института в жилой квартире. Теперь мы там все собираемся: директор, бухгалтер, секретарша, два инженера, пять уборщиц-лаборанток. Мыть пол мне почти не приходится — нас пятеро. Была в райкоме комсомола. Миша Седелкин очень разозлился: «Почему, куда ты ни придешь, везде разваливаешь работу?» Мы простились очень официально.

1953 год. Июль.

Была в отпуске. Ездила к дяде в Свердловск. Замечательный город. Несколько дней искала Свердловский филиал ЦНИПС. Справочные бюро о его существовании не знают, хотя он существует уже второй год. Ученых в филиале пока что один человек. Уборщиц и сторожей много, они также зачислены в штат лаборантами. Разговаривала с уборщицей Анной Степановной, она говорит, что у них еще не так плохо. А вот директор, которого послали в Иркутск, не только там не нашел ни одного ученого по вопросам строительства, но не обнаружил даже строительного треста.

1953 год. Сентябрь.

В нашем магнитогорском институте большая радость: дали десять комнат и из Москвы прислали первого ученого — кандидата технических наук тов. Заборова. Он, правда, специалист по строительной механике и имеет далекое отношение к вопросам, которые призван решать наш институт, но тов. Туркин, видимо, решил начинать дело издалека. Я готовлюсь сдать за десятилетку. Если я поступлю в 1954 году в строительный институт, то в 1962 году смогу быть полезным сотрудником для нашего филиала. Тов. Туркин обещал, что к этому времени обязательно пришлет оборудование.

1953 год. 15 октября.

Миша Седелкин вызвал меня на бюро райкома комсомола, чтобы я отчиталась в своей работе. Я рассказала, что мы тратим сотни тысяч, а по нескольким городам, где открыты филиалы институтов, — миллионы рублей на содержание в большинстве своем ненаучного штата, который никакой научной работы не производит уже в течение полутора лет.

Правда, мы пытались развернуть большую работу по цементу. Директор ЦНИПС тов. Туркин одобрил ее, но когда наше Министерство строительства послало разработку этой темы на отзыв в Министерство промышленности строительных материалов, нам ответили, что они такую же работу сами уже довели до конца.

На бюро райкома комсомола меня так ругали, как никогда в жизни. Больше всех возмущался Миша Седелкин. Он заявил, что я должна сама поехать к Туркину и забрать у него из Москвы двадцать научных работников и прекратить очковтирательство о приближении строительной науки к Сибири.

Неужели я только одна ответственна за все эти безобразия, а в техническом управлении Министерства строительства СССР и в ЦНИПС ответственных нет?

С тов. Седелкиным мы перестали разговаривать. Он вчера прошел мимо меня, как будто бы мы не знакомы.

А все-таки я ему докажу, что в Магнитогорске будет открыт научно-исследовательский институт. И пусть он тогда попробует не разговаривать со мной!

1953 год. Ноябрь.

Меня попросили дать в печать мои личные записки. Вначале я отказалась, потому что слышала много примеров хорошей работы филиалов научных учреждений на производстве. Но потом подумала, что, может быть, есть и еще где-нибудь такие же филиалы, как наш, и согласилась опубликовать выдержки из моего дневника.

Евг. ШАТУНОВСКИЙ

Н. ГРИБАЧЕВ

Рассказ о первой любви

Река пылала от лунного света. Не то что на стрежне, а даже в тени кустов от всплеска рыбы крутились и бежали серебряные кольца, спирали и серпы медленно угасавших волн. В низинах белым заревом дрожал пар, светились мокрые ивы у протоки, светились огоньками росы верхушки осоки, словно там курили охотники. В палатке, куда мы уже забрались на ночь, табачным дымом синел и желтел лунный свет.

— Заколдованное царство, — вздохнул Сергей. — Разве тут уснешь? Пусть кто-нибудь рассказывает сказку, что ли.

— Зачем — кто-нибудь? — удивился Петро. — Пусть капитан рассказывает!

— Про царевну, — добавил Сашка. — Которую будят поцелуем... Пусть докажет капитан, на что он способен!

— Царевну не встречал, — усмехнулся капитан. — Видел бывшую румынскую королеву — маму Елену. Подойдет?

— Не подойдет, — отвел кандидатуру королевы Сашка. — Стара и зла. Оставим доживать в американском царстве... Ты парнем когда-нибудь был, капитан? Вспомни в интересах коллектива!

Капитан вздохнул и помолчал, потом вздохнул еще раз и задумался, словно наощупь отыскивая нужную вещь в неблагоустроенных подвалах памяти, где большое и важное лежит вперемешку со всякой мелочью, относительно которой даже не знаешь — пригодится когда-нибудь или нет?

— Кстати, о красоте, — начал он, будто наткнувшись, в конце концов, на нечто важное. — Что она такое — красота? Определяют ее античными пропорциями — нос такой-то, лоб такой-то... Веришь, что все правильно и хорошо, а не трогает. Или расписывают зримо — косы золотые, глаза голубые... А что — золото? Оно холодное... Золото на блесну бы хорошо, судаков и шересперов ловить! — вдруг заехал капитан в рыболовецкие проблемы. — Здорово бы светилось под водой, и песком чистить не надо... А красота — это душа, характер. Вот когда все эти золотые да голубые вещи при ярком характере живут, тогда ни в юности, ни в седине не забронируешься, не поранит, так все зацепит за сердце!..

Такая и появилась у нас в селе.

Было это году в двадцать шестом, когда переехал к нам на постоянное жительство из недальней деревни некто Хмельков Петр Иванович. Купил он себе избу и огородик, но землей не занимался и как бы вовсе не думал о ней, а шил хомуты, седелки, шлеи. Даже и перебрался потому, что от нас к базару ближе. Человек он был, по деревенским понятиям, так себе, средний — тихоня, рыжеватый, фигурой мелковат, ни мужик, ни интеллигент. Таких у нас не обижали, но и не жаловали — все равно, что есть, что нету, живешь — и живи. Жены у него не было, умерла. Хозяйствовала какая-то троюродная сестра, женщина боязливая, которая даже в праздники одна лускала подсолнухи под окном в палисаднике. Так бы и сидели они в селе неприметно, если бы не дочь шорника — Соня Хмелькова. Она в наши хороводы и гулянки вошла — как искорка на сухое жнивье упала: смотришь, не тут, так там горит.

Рассмотрели ее не сразу — у нас в каждом третьем доме по красавице жило, а село большое, протянулось километра на три. Помню, появилась в первый раз в воскресное предвечерье, сидит в стайке девчат на бревнах. Глаза серые, чуть диковатые, смотрит — словно в первый раз улицу видит. Волосы светлые, с пепельным оттенком, как говорят, чуть-чуть сумеречные. Губы пухлые, добрые; ногой по бревну постукивает — будто дальнюю музыку слышит. Подошли два наших коновода, один красавец, певун — Никита Сомов, другой приземистый, осадистый, как говорят, курносый задира — Сенька Стрельцов. Грудь у него колесом, рот — в беспричинной улыбке. Остановились перед Соней Хмельковой, оглядели, словно вещь в лавке, оценили:

— Ничего?

— Ничего.

— Со скуки, а?

— Со скуки — ничего... В будний день, конечно!

У Сони Хмельковой горлом судорога прошла, как проглотила что, но — молчит. Сенька с Никитой подождали, пощурили глаза, отошли. И вечером вся ребятня, — а нас от подростков до женихов было около пяти десятков, — знала: Сонька Хмелькова — так себе, ничего особенного. Так и повелось — посидит она с девчатами, к песне иногда робко подстроится и незаметно — домой. Не знаю — не то скучала она о ком, не то присматривалась.

В Троицын или Духов день, — тогда еще и комсомольской ячейки в селе не было, праздновали по старинке, всю улицу зеленью убирали, — в Троицын или Духов день на улице собрался огромный хоровод. Завели девчата, прилипли — стар и млад. Попели хороводные песни, покружились, а потом гармонист, разогретый праздничной бесшабашностью, рванул русскую. И уж не знаю, то ли подруги в насмешку вытолкнули, то ли парень за руку вытащил, — в центре круга оказалась Соня Хмелькова. Постояла, недоуменно поглядывая чуть суженными от настороженности серыми глазами, подалась назад, словно собираясь нырнуть в толпу, снова выпрямилась и совсем незаметно сделала маленький шаг, другой — показалось, сама дорога двинулась, да и поплыла под ней... Кто не знает, как танцуют русскую? С топотом, с дымком из-под каблуков. А она танцевала не как все, — по-своему: то гнулась и покачивалась, как березка под ветром, то вдруг кружилась, приседая и поднимаясь, — ромашкой распускался подол белого платья, вокруг загорелых ног, концы повязки дрожали голубеньким колечком вокруг светлой головки. Пухлые добрые губы раскрывались, раскрывались — и раскрылись, забелела, заиграла улыбка. Розовый платочек выпорхнул из руки, покружился, упал в пыль — Никита Сомов, оттолкнув разинувшего от изумления рот Сеньку, бросился поднимать. А она прыгнула в толпу, убежала!

Потом уже мы узнали, что у нее такие резкие переходы в характере — не редкость, а тогда ничего не поняли, к хате ходили, но троюродная сестра нам отвечать не стала, свернула платок с подсолнухами и ушла с завалинки.

Вечером Соня опять сидела на бревнах в табунке девчат. И совсем уж не так, как прежде, подошел к ней Никита, — с примирительной улыбочкой, добродушно покачивая своим лучшим на селе черным чубом. Мы знали эту улыбочку и подход, — значит, обняв за плечи, поведет он вечером Соню Хмелькову, будет стоять, привалясь спиной к палисаднику, будет шептаться. Мастер он был на эти дела!.. Подал ей Никита платок, попросил девчат подвинуться — сел рядом.

— Хочешь, провожу? — спросил Никита.

— Куда? — прищурила глаза Соня.

— Домой...

— Домой — сама дорогу знаю...

— А куда бы ты хотела?

— Домой.

— Что-то я не понимаю, — буркнул Никита.

— То-то и оно, не понимаешь, а лезешь, — нарочито громко бросила ему Соня. — Как поймешь, приходи, расскажи — послушаю...

Никита соскочил с бревен и стал, подбоченившись:

— Ну, могу и подождать, — кинул он свысока. — А звать будешь, — кричи громче, я плохо слышу!

— Меня услышишь, — пообещала Соня. — Шепну — и то услышишь, придешь!..

Никита, усмехаясь, отошел, но в кругу ребят пригрозил:

— Кого увижу с Хмельковой, пеняй на себя... Высоко забирает — пригнуть надо. Проучим! Я так велю, а меня вы знаете...

Никиту мы знали — тот, кто становился ему поперек пути, мог не ходить на гулянки: на него будут сыпаться все насмешки, о нем будут петь частушки под гармонь, будут сзади дергать за волосы, когда он сидит на бревнах или стоит в кругу хоровода, — поди, сыщи виноватого; провожая девушку, он будет спотыкаться о протянутый через тропинку шпагат, выйдя танцевать, полетит в пыль от неизвестно кем подставленной подножки. Никита никого не избивал сам и не поручал этого другим — это была грубая работа, а он любил месть изобретательную, насмешкой и посрамлением. Только один человек мог позволить себе пойти наперекор Никите, и это был даже не его дружок Сенька Стрельцов, а на первый взгляд малоприметный паренек Алеша Круглов. Никакой силой он похвастать не мог, был для своих шестнадцати лет нормально развит, на носу слегка проступали веснушки, над высоким лбом торчал русый чубик. Выделялись у него только глаза — серые, глядящие прямо и словно непрерывно спрашивающие о чем-то. Ни при каких угрозах, ни перед кем не отводил он своих глаз.

Было бы, однако, смешно думать, что Никиту мог остановить какой бы то ни было взгляд. Нет, Никита по-своему любил этого невзрачного паренька и даже побаивался его, хотя и не мог бы связно объяснить, почему именно. Алеша запоем читал книги, знал столько, сколько не знали все сельские парни, вместе взятые; в двенадцать лет он отказался ходить в церковь, заявив, что бога нет, выдержал жестокую трепку отца, но решения не изменил; в последние полтора года в осеннюю слякоть и зимнюю стужу, когда снегу — до плетней и в стенах стреляют бревна, частенько тащился за пять верст в первую по округе комсомольскую ячейку, хотя комсомольцем не был, друзей среди них не имел и при своей застенчивости чаще всего топтался у крыльца или стоял у дверей клуба, слушая, что говорят другие. Лет в четырнадцать в ночном на лугу ему устроили отчаянное испытание. «Бога нет?» — спрашивали его. — «Нет». — «Чертей тоже нет?» — «Нет». — «И ведьм нет? И водяных? Переплыви реку!». Августовская ночь была черна, как сажа, в омутах бились сомы, — казалось, кто-то хлопает ладонями по воде. На противоположном берегу, на высокой меловой круче, шумел серебристый тополь — он стоял одиноко, шумел в самую тихую погоду, и по селу исстари шли слухи, что на нем отдыхают ведьмы. Входить надо было с обрывистого берега в омут, где месяца три назад утонул сверстник и приятель Алеши... Он побелел, когда ему предложили это испытание, пригласил двух дружков; те согласились, но, дойдя до берега, повернули назад. И тогда он поплыл один, щуплый паренек, по чернильной воде, в которой гуляли сомы и под самым носом от взмаха руки лопались, как пузыри, тусклые звезды. Из-под меловой кручи он должен был подать голос — знак, что переплыл; крик получился глуховатый, словно из-под земли... В ту же ночь, когда он, намаявшись, уснул, два сверстника хотели ему, по обычной забаве, связать уздечкой ноги и прокатить по стерне. Никита расшвырял ребят, сказал задумчиво:

— Не трожь! Эта голова двух ваших стоит — на них, может, только лапти плести, как на колодках... Не побоялся, а? Пусть спит до смены...

— Загордится, — сказал обиженно один из ребят.

— Гордость — трудное дело, — рассудил Никита. — Человек не петух, покукарекал на плетне для красы — и все... За гордость душа муку терпит...

Алеша Круглов не знал об этом разговоре — не сказали, но его стали все меньше задирать и все чаще расспрашивать в ночном о городах, о морях, о машинах — обо всем, что приходило в голову. Сам Никита никогда вопросов не задавал — он лежал на армяке, подперев голову кулаком, смотрел на огонь, молчал. Темные глаза поблескивали, темный чуб кольцом бросал тень на бронзовую щеку — артист!..

Капитан, наш рассказчик, замолк, показалось — сам заслушался кого-то другого. Над палаткой шарахнулась, крикнула ночная птица. Моторист, отогнув брезент, досмотрел лодку и закурил — волчьим глазом метнулся в углу огонь папиросы. Двое подростков, путешествовавших с нами по Десне, спали, тихонько посапывали — для них капитанская повесть была сказкой времен царя Гороха, а жизнь началась с войны, когда после бежавших немцев двинулись они собирать стреляные гильзы.

— Ну? — подал голос Сашка.

— Что — ну?

— Дальше!.. Кто был третьим? По-моему, тут должен быть третий — два характера сцепились, а кто-то бесхарактерный увел девушку. Надоел драматический треугольник...

— Не ходи в театр, — сказал Сергей, — только и всего.

— Третьего не было, — сказал тихо капитан. — Жаль, что не было! Алеша увел с вечеринки Соню Хмелькову — увел на глазах у всех. Знал он или не знал приказ Никиты? Он был моим приятелем, но на этот вопрос ни разу не ответил, глядел в глаза и — ни слова. По-моему, знал, хотя и не отходил от девчат, не слышал лично... Почему пошла с малоприметным Алешей Соня Хмелькова? Наверное, чтобы насолить еще сильнее Никите, — вот на кого променяла твою красоту! Пошла — и не знала, что сделала и кому насолила...

Так повторилось и назавтра, и еще раз, и каждый день. Соня Хмелькова менялась — она стала самой неутомимой плясуньей, много пела и шутила. И, странное дело, — ее любили все девушки, вились вокруг нее, прощали и считали само собой разумеющимся, что за ней все ухаживали. А ведь языки девушек в таких случаях злы! С парнями она была то приветлива, то, кто ни попадись, царапала острым словом... Засветилась, заискрилась Соня, как живая вода под луной! Скоро не осталось ни одного парня от шестнадцати до двадцати лет, который бы не набивался ей в провожатые. И я тоже пытался, — с грустью признался капитан. — Наклонилась, щекоча волосами, сказала, как выдохнула: «Не надо... не ходи со мной!» — и отвернулась. Почему — не надо? С какой стати — не ходить? Ничего я не понял, а только с месяц был, как в тумане, чуть вспомню — и поплывет все, уходит, уменьшается и возле самых глаз ее глаза серые с непонятной усмешкой. Чертовщина какая-то!.. А она — с Алешей... Бывало и так, что

(Окончание на 3-й стр.)

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

ЧТО МЕШАЕТ РАЗВИТИЮ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья «Что мешает развитию приключенческой литературы», напечатанная в «Литературной газете» 14 ноября, вызвала живой отклик у читателей. Люди самых разных возрастов и профессий пишут о необходимости развивать этот жанр.

Читатели указывают на большое значение приключенческой литературы в деле воспитания молодого поколения.

«Мне кажется, что наши педагоги и воспитатели,— делится своими соображениями студент **Л. Святогоров** из Киева,— просто недооценивают того большого влияния, которое оказывают эти книги на предприимчивых ребят. Ведь в таком возрасте хочется быть похожим на смелого, энергичного, волевого, знающего героя...»

Много нареканий вызывает у читателей массовый журнал «Вокруг света», который должен регулярно знакомить читателей с лучшими новинками приключенческого и научно-фантастического жанра. Читатели справедливо говорят, что редакция «Вокруг света» не стремится создать постоянный актив писателей, работающих в приключенческом жанре. Журнал не радует своих подписчиков увлекательными, яркими, интересными материалами. О своем недовольстве и разочаровании сегодняшним его состоянием пишут в редакцию **Г. Коротков** (Славянск), **С. Дудченко** (Курская обл.), проф. **С. Розанов** (Москва), **В. Мирошниченко** (Смоленск), **Н. Чорхова** (Холмогоры, Архангельской обл.) и другие.

Н. Колобков (Москва) отмечает, что «Вокруг света» — одно из старейших наших изданий. «Читатели любят этот журнал, не пропускают ни одного номера, ждут интересных статей, а журнал... с каждым годом все дальше и дальше уходит от мира приключений и фантастики...

Совершенно непонятно, каким образом журнал растерял свои традиции, куда девались разделы интереснейшей и поучительной фантастики, которыми мы увлекались в молодые годы, когда с нетерпением ожидали выхода свежего номера.

Научный материал преподносился читателю в интересной форме, перекликался с жизнью, и хотелось как можно скорее закончить образование и работать по намечающейся специальности. Под влиянием этих статей я нашел себе призвание и стал метеорологом».

В целом ряде писем читатели говорят, что давно настала пора издавать в качестве приложений к журналам «Вокруг света», «Знание — сила» сочинения известных мастеров приключенческого и научно-фантастического жанра, популяризировать лучшие новинки.

Читатели считают, что дальнейшему развитию приключенческой литературы серьезно мешает косность издательских работников, неохотно печатающих приключенческие книги.

«Я еще в 1952 году в письмах в издательство «Молодая гвардия» просил упорядочить выпуск приключенческой литературы,—рассказывает читатель **С. Прохоров** из Ленинграда.— Однако ответы издательства содержали невразумительные ссылки на то, что писатели мало пишут. Из статьи В. Коротеева мне теперь ясно, что ждало авторов произведений данного жанра: им попросту приходилось обивать пороги различных инстанций, добиваясь издания своих книг».

Читатели **В. Бондаренко** (Днепродзержинск), **В. Головинский** (Вильнюс), **В. Альтерман** (г. Горький) и другие решительно высказываются за то, чтобы наши издательства в ближайшее же время широко развернули выпуск приключенческой литературы.

«Школьники зачитываются приключенческими книгами, — делится своими соображениями **Г. Кабачников** (Баку), имеющиеся дома романы истрепаны до дыр, а ребята хотят прочесть Жюль Верна, Майн-Рида, Ф. Купера, Конан-Дойля, А. Беляева, А. Дюма, Р. Стивенсона, Д. Лондона и других, но этих книг нет, их почти не переиздают. Детгиз и «Молодая гвардия» должны учесть запросы миллионов читателей и, пересмотрев свои планы на 1954—1955 годы, резко увеличить количество и тиражи приключенческих книг».

О том, какому разносу нередко подвергала критика вновь появлявшуюся приключенческую книгу, вспоминает писатель **И. Ликстанов** (г. Свердловск):

«Я начал, как приключенческий писатель. Дал еще в военное время повесть «Приключения юнги». Рецензент «Нового мира» тут же назвал ее чем-то вроде «апологетики хулиганства», и моему юнге пришлось пробиваться сквозь это заграждение...»

Много говорится в письмах читателей о совершенно ничтожных тиражах как новинок приключенческой литературы, так и переизданий лучших образцов этого жанра. Каждая удачная новинка мгновенно расхватывается в магазинах, буквально чуть ли не на другой же день по выходе в свет превращаясь в библиографическую редкость, а в библиотеках на единственный экземпляр устанавливается длинная очередь по списку. Писатель **Ю. Герман** в своем письме рассказывает о том, к каким курьезам приводит такой дефицит на приключенческие вещи в читальнях: «Одна библиотекарша мне говорила, что книги Брянцева она дает в читальном зале ребятам «под залог шапки»... иначе ребята утаскивают книгу домой, а без шапки такой читатель к мамаше явиться не может».

А. Суходольский (Москва) пишет, что имело бы смысл выпускать сборники приключенческих произведений типа альманаха. «На базе этого издания со временем мог бы возникнуть журнал с широким авторским активом. Хотелось бы пожелать редакции будущего сборника возродить хорошую традицию наших приключенческих журналов — проводить конкурсы на лучший рассказ, повесть. Это позволит пополнить портфель редакции разнообразным, интересным материалом, будет способствовать повышению литературного мастерства молодых авторов и привлечет к этому делу внимание широкой писательской общественности».

В некоторых письмах справедливо указывается на то, что в низком уровне приключенческих и научно-фантастических произведений виноваты прежде всего сами авторы, пишущие скучные назидательные истории, не вызывающие у читателя ничего, кроме досады и разочарования.

«Какая зеленая тоска овладевает читателем,— жалуется **Н. Чорхова**,— когда он, обманутый яркой обложкой, возьмет «Семь цветов радуги» В. Немцова. Безликие, добродетельные люди организуют где-то на клочке земли подземный сад. Или вот только на днях получила новинку «Первые дерзания» В. Охотникова—это восторженное восхваление ремесленников-«вундеркиндов» и их добродетельных начальников».

Читатели призывают авторов, работающих в этом жанре, черпать больше интересных и увлекательных тем из нашей действительности. **Г. Коротков** пишет: «Мы не видим приключенческой литературы — детективной, а ведь есть много интересного в этой области, есть герои по борьбе с уголовными, бандитами (сам я работал в уголовном розыске и знаю много случаев героической борьбы за раскрытие преступлений). Не может быть, чтобы у нас не было своих советских следопытов. Юношество надо воспитывать смелым, пытливым, отважным, и здесь большая роль принадлежит приключенческой литературе».

БОЛЬШИЕ ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Н. ТОЛЧЕНОВА

Среди многообразных литературных явлений заканчивающегося 1953 года два произведения особенно приковывают к себе внимание читателя глубиной и остротой намеченных проблем. Это новые романы Леонова и Панферова.

Ни в чем, казалось бы, не имея совпадений — ни в сюжете, ни в хронологии, ни тем более в рисунке образов, оба писателя, каждый в своей собственной творческой манере, говорят о серьезнейших для советского народа вопросах современности, о борьбе за коммунизм на самом широком, всеохватывающем фронте, неминуемо включающем в себя борьбу за разумную организацию и подчинение сил природы.

Появление таких остро проблемных книг свидетельствует, что советская литература живыми практическими делами стремится участвовать в жизни народа, помочь ему в решении великих задач, поставленных XIX съездом партии. И когда речь идет об оценке этих книг, то прежде всего надо говорить об общественном звучании произведения, народной мысли, его пронизывающей и его согревающей, иначе говоря — о том душевном пафосе, который вложен художником в образы. Создавая эти образы, писатель сочувствует своему отечеству, надеется его надеждами, болеет его болезнями и радуется его радостями.

Высокая общественная принципиальность, смелость и честность — вот то главное, чем завоевывает читателя роман «Волга-матушка река». И думается, что оценка этого произведения, данная на страницах «Литературной газеты» писателем К. Горбуновым, грешит профессиональным безразличием. Занявшись скрупулезным подсчетом плюсов и минусов романа, его стремясь соблюсти известное арифметическое равновесие, К. Горбунов отмечает «своеобразный и политически заостренный талант» Панферова, но слишком уж много усилий тратит на то, чтобы доказать, что это талант «недостаточно организованный». И уж полное недоумение вызывает конец статьи, где хоть и в достаточно неясной форме, но все-таки черным по белому написано, что главная-то работа у писателя еще впереди.

Согласиться с этим никак нельзя.

Не стоит повторять прописных истин о писательском долге — многократно улучшать, совершенствовать книгу, о необходимости еще и еще раз возвращаться к доработке текста. Но разве эта задача не стоит перед всеми нашими писателями, как и перед автором «Волги-матушки реки»?

* * *

С самых первых страниц романа, там, где К. Горбунов видит лишь статичную, затянувшуюся экспозицию да возмущается недостаточной благовоспитанностью знакомящихся между собой главных героев произведения Морева и Бахарева, — писатель заставляет нас серьезно задуматься над большими и важными общественными вопросами.

Вот перед нами, вольно раскинувшись на крутой горе, красуется город Горький — новый социалистический город, несравнимый со старым Нижним, украшенный множеством великолепных заводов, школ, клубов, дворцов культуры. Советский народ — творец и хозяин всех этих бесчисленных богатств. Бывшие владельцы бывшего Нижнего — ныне «измызганные людишки» — побеждены и укрощены. Они выброшены, как жалкий мусор, на берег Волги. Но хотя время их ушло, в Поволжье продолжается жестокая, из года в год возобновляющаяся борьба. «Гневный враг в нашей стране», — говорит нам писатель устами своих героев. Этот враг — стихийные силы природы, влекущие за собой тяжкие бедствия, падеж скота, неурожаи. Не так-то легко справиться с ними. Злые силы природы не только вмешиваются в наши планы, но на некоторых участках и нарушают их...

Произведение Ф. Панферова — не просто «колхозный» или «производственный» роман. Это книга о нашей сегодняшней жизни, где многие стороны общественного производства и бытия выступают в том живом и сложном переплетении, которое характерно для подлинной действительности. Советские люди, герои романа, предстают перед читателем в развитии, в борьбе и действии. Мы видим, что они полны любви к Родине. Мы воспринимаем и секретаря обкома Акима Морева и академика Бахарева, как деятелей, отличающихся ярким своеобразием натуры. Несмотря на заметное различие характеров, герои романа по ходу действия оказываются связанными самой тесной дружбой, и это понятно: их объединяет святая ненависть ко всему негодному, мертвому, прогнившему.

Олицетворением всей этой гнили в романе является бывший секретарь обкома Малинов — образ сатирически-гневный.

К. Горбунов считает, что, рисуя Малинова, писатель впадает в шарж. Мы считаем, что Ф. Панферов сознательно заостряет явление. Читая роман, понимаешь, что Малинов и малиновщина, тормозя и связывая инициативу народа, мешали советским людям в их борьбе с природой, во всех их делах и начинаниях.

Ф. Панферов в своем романе показывает, что организованное наступление на природу стало по-настоящему возможно в нашей стране только теперь, когда окрепла индустриальная мощь Советского государства. Но писатель не скрывает от нас и великих трудностей борьбы. Наоборот, произведение дышит протестом против показного, фальшивого благополучия, против равнодушных и своекорыстных людишек, жуликов, пройдох, хозяйчиков и перерожденцев разного толка.

Книга Панферова — воинствующая книга. Аким Морев и Бахарев неустанно воюют за правду, за расцвет родной земли. Вот они едут по выжженной степи, и мы видим, как бродят здесь, словно морские смерчи, взвиваясь в безоблачное, ярко-голубое небо, черные вихри пыли. Тянутся, перемежаясь с площадями озимых, огромные куски вечной целины, мелькают овраги: нет на этих неоглядных земельных просторах ни системы, ни порядка. И вдруг все меняется. Во все концы бегут лесные полосы, блестят на солнце водоемы, в низинах широких балок раскинулись сады, виднеются в степи огромные стога прошлогоднего сена. Машина идет по землям Нижне-Донского района, где секретарем райкома больше двадцати лет работает агроном Астафьев.

И недаром восхищается академик Бахарев: «—Запасы-то какие у Астафьева... Запасы! Этот не пойдет к соседу за подаянием, да со слезами: «Коров нечем кормить, спасай, брат. Ты коммунист, я коммунист — помогать должны друг другу». Вишь ты, что иные придумали: ты коммунист, я коммунист, у тебя есть, у меня нет. А кой пес тебе не велит запасти это «есть»? Климат-то как, земля та же, колхозники те же, агрономические законы те же. «Ты коммунист, я коммунист». Я бы таких на позорище выставлял. Дощечку ему на грудь, надпись «культурный лодырь» и напоказ его. — Академик повернулся к Акиму Мореву. «Как вы на это смотрите, товарищ секретарь?» «Я — коммунист, ты — коммунист». А-а-а? Черта с два. Я-то вот коммунист: видишь, поля какие у наших колхозников, запасы какие у наших колхозников... а ты — не коммунист. Ты дрянь, обманщик партии, гниль, разложенец, чертополох, сорняк...

Аким Морев захохотал.

— Все ругательские слова собрал, Иван Евдокимович».

Разве можно об этой цитате судить только с точки зрения стиля, минуя чувство, вложенное в нее, а главное, обходя ее смысл?

* * *

Автор «Волги-матушки реки» смело вмешивается в жизнь.

Бичуя малиновщину, Ф. Панферов показывает неминуемые последствия отрыва руководителя от народа, превращение его в зазнавшегося самодура, чинушу, карьериста, бюрократа.

Много писательского внимания уделено в произведении показу новых форм и методов партийной работы. Эти поиски изображены без лакировки, со своими трудностями, сложностями, противоречиями.

В романе сделана попытка изображения партийного работника во всем многообразии чувств и мыслей, свойственных незаурядному человеку, в сложном переплетении его внутренних переживаний, сомнений, радостей и горестей.

К. Горбунов считает, что в романе Панферова маловато «представителей народной гущи»... Он сетует, что этих представителей можно буквально по пальцам перечесть и что это лишь эпизодические, проходные фигуры. Ну, а что ж такое главные герои романа? Разве они оторваны от народа, разве образы Акима Морева, Астафьева, Анны Арбузиной, Елены Синицыной, Лагутина, Назарова и других не воплощают индивидуальность и характерность народа, не раскрывают особенностей его жизни, не отражают его надежды и чаяния, его стремительный рост?

Почему чабан Егор Пряхин — это «гуща», а секретарь обкома Аким Морев — «не гуща»?

По нашему мнению, и академик Иван Евдокимович Бахарев, род которого «из поколения в поколение — агрономы», выступает как полноправный представитель народа в романе Ф. Панферова.

И — что важнее всего — жизнь народа нашла и в общем замысле романа и в его деталях широкое отражение.

Недавно в «Правде» появилась заметка о героическом подвиге колхозного чабана, спасшего от гибели во время обледенения громадную отару овец. Такого же рода подвиг совершает один из героев романа «Волга-матушка река».

Страницы романа полны суровой, неприкрашенной жизненной правды, сдержанной боли за людей, на которых порой обрушиваются страшные беды и тяготы.

Мы горюем, когда гибнет от мороза колхозный сад, любовно выращенный Анной Арбузиной, радуемся, когда видим замечательные успехи колхозников станицы Нижне-Донской; в чудесной, с юмором написанной сцене ночной охоты особенно глубоко постигаешь человеческую сущность Акима Морева, веришь в искренность его любви к Елене Синицыной.

Надо сказать, правда, что и Елена Синицына и Анна Арбузина написаны Ф. Панферовым словно начерно. Их образы, и прежде всего их психологическая душевная характеристика, лишены должной отчетливости, не выписаны в деталях. Аким Морев и Бахарев рисуются нашему мысленному взору гораздо яснее и отчетливее, чем сестры Анна и Елена, вставшие на жизненном пути героев.

* * *

Думается, что, создав роман «Волга-матушка река», Ф. Панферов одержал большую творческую победу.

Читая новое произведение, порожденное новой эпохой, новыми глубочайшими социальными сдвигами, осуществляемыми народом и партией, невольно вспоминаешь «Бруски». Та же своеобразная манера письма, резкая и даже угловатая, те же размашистые штрихи в портретах, а главное,— то же пристальное, неослабное внимание к внутренней сущности важнейших процессов жизни страны.

Новая книга Панферова будит мысль, зовет на борьбу против всего косного, отживающего. В этом ее сила и значение.

Статья печатается в порядке обсуждения.

Андреева Мария Федоровна

После продолжительной и тяжелой болезни скончалась Мария Федоровна Андреева, член Коммунистической партии Советского Союза с 1904 года.

В 1894—1898 гг. М. Ф. Андреева участвовала в студенческих марксистских кружках. С 1901 г. она поддерживала тесную связь с Московской организацией РСДРП. После образования большевистской партии выполняла различные партийные поручения. В период с 1898 г. по 1905 г. М. Ф. Андреева состояла членом творческого коллектива Московского Художественного театра, на сцене которого ею был исполнен ряд ведущих ролей.

М. Ф. Андреева принимала деятельное участие в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве. Она была одним из издателей большевистской газеты «Новая жизнь». Находясь в эмиграции, она свыше шести лет была секретарем и переводчиком у А. М. Горького, оказывая ему большую помощь в работе.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции М. Ф. Андреева продолжала активную общественную деятельность. Она была одним из инициаторов создания в 1918 году в Петрограде Большого драматического театра, принимала участие в организации Домов ученых в Москве и Ленинграде. В течение 17 лет она являлась бессменным директором Дома ученых в Москве.

За заслуги перед Родиной М. Ф. Андреева была награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза.

Светлая память о Марии Федоровне Андреевой надолго сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей.

Произведения Шекспира на грузинском языке

Издательство «Сабчота мцерали» («Советский писатель») выпустило в свет первый том сочинений В. Шекспира в переводе на грузинский язык. Сочинения Шекспира издаются в трех томах в переводе И. Мачабели. Большими тиражами в переводе на грузинский язык выпущены произведения Ф. Шиллера «Разбойники», «Дон Карлос», «Орлеанская дева», «Коварство и любовь» и другие. В этом году на грузинском языке изданы «Деньги» Э. Золя, «Гобсек» и «Шагреневая кожа» О. Бальзака, рассказы Лу Синя, сочинения Д. Боккаччо, М. Сервантеса, П. Мериме и В. Гюго.

Книги для детей

Вальсюнене В. Звезда счастья. Поэма. Для среднего возраста. Перевод с литовского М. Петровых. Иллюстрации И. Кузнецова. Детгиз. 16 стр. Цена 15 коп.

Кассиль Л. Ранний восход. Повесть о юном художнике Коле Дмитриеве. Для среднего и старшего возраста. Детгиз. 310 стр. Цена 10 руб. 80 коп.

Носов Н. Прятки. Рассказ. Иллюстрации А. Каневского. Детгиз. 12 стр. Цена 45 коп.

Полевой Б. Современники. Рассказы. Для среднего и старшего возраста. Детгиз. 120 стр. Цена 2 руб. 55 коп.

Русанова О. Сестры. Повесть. Для среднего возраста. Рисунки Б. Коваленко. Детгиз. 328 стр. Цена 5 руб. 55 коп.

Садри Г. Сын кузнеца. Повесть. Для среднего возраста. Авторизованный перевод с татарского Ю. Карева. Иллюстрации А. Демина. Казань. Татарское государственное издательство. 104 стр. Цена 90 коп.

Скотт В. Роб Рой. Роман. Для старшего возраста. Перевод с английского Н. Вольпин. Иллюстрации Э. Будогоского. Лениздат. 467 стр. Цена 8 руб. 55 коп.

Старинные эстонские народные сказки. Для среднего и старшего возраста. Перевод с эстонского. Собрал и обработал Ф. Крейцвальд. Иллюстрации Г. Рейндорфа. Таллин. Эстонское государственное издательство. 304 стр. Цена 7 руб. 40 коп.

Туманян О. Сказки. Перевод с армянского. Иллюстрации Г. Ханджяна. Детгиз. 88 стр. Цена 1 руб. 20 коп.

У нас на Алтае. Рассказы для детей. Иллюстрации В. Заборского. Барнаул. Алтайское книжное издательство. 132 стр. Цена 3 руб. 25 коп.

даже на вечерку не идут, сидят на лавочке одни.

Когда Никите в первый раз сказали, что она ушла с Алешкой, он наклонил голову, так что чуб соскользнул и упал на переносицу, постоял молча, а потом неожиданно спокойно спросил:

— Так что?

— Ну, ты сам приказал... Что дальше делать?

— Ничего,— сказал Никита.— С Алешкой — ничего... Ему можно...

Как-то, спустя недели две, когда Алеша и Соня сидели на своей лавочке, подошел Никита. Поздоровался по-хорошему, сел, закурил.

— Пришел? — без улыбки спросила Соня.

— Пришел...

— Вот видишь...

— Вижу. Побыть с вами можно?

— Спроси у Алеши, мне — все равно...

Странное дело, у нее не было ни злорадства, ни обиды. Мы стояли и дивились — ни ее, ни его не узнать: присмирели, посерьезнели. Он и она молчали, говорил один Алеша — быстро, сбивчиво. Видно, ему было немножко не по себе, но Никита не смотрел ни на нас, ни на него, ни даже на Соню,— в землю, прямо перед собой. Потом тряхнул головой, откинул рукой чуб, предложил:

— Давайте споем?

— Давайте, — спокойно согласилась Соня...

Село наше стоит на крутояре, поглядишь оттуда — вправо, влево, прямо стелются луга, зелеными кружевами вяжутся вокруг озер и проток лозы, а дальше, за лугом, до самого горизонта синеют брянские леса. Смотришь — и как будто летишь! В лугах усердствуют коростели, в полях—перепелки всем спать советуют.— Спать пора! — а в садах ветер перепархивает, шумит, шуршит — музыка от неба до земли. Солнце поднимается из лесов — будто мухомор вырастает; луна над головой встанет, не видишь, зато под горой в реке и озерках семьдесят лун катятся. А тут еще во весь этот простор песня выплывает — негромкая, раздумчивая... и плакать хочется, и бежать нивесть куда, и к чьему-нибудь плечу прижаться, и совершить что-нибудь небывалое — страдаешь и мучаешься, не зная за что! А песня у них получилась хорошо — в два мужских и один девичий голос.

И пошло все каким-то чудным образом — каждый вечер или с самого начала, с заката, или после гулянки сидят втроем, смотрят в неоглядную даль, поют. Никита, который прежде слонялся у всех калиток, присмирел, только и знал одну дорогу — к Соне... Сидят и поют — втроем. А провожают Соню до калитки или вдвоем, или — Алеша: одному Никите она не разрешала.

Как-то Никита задержался в соседнем селе в гостях, сидели Алеша и Соня. Грешным делом, притаился я за палисадником, слушаю — о чем говорят? А они — молчат. Мне за палисадником не видно, думаю: обнимаются, может быть? Вдруг слышу:

— Алеша!

— Что?

— На луне люди живут? — Слыхала, живут... Верно?

— Нет, не живут... Там — холод. Мертвая она, луна-то.

— Жалко... Мне бы там пожить, на всю землю сразу поглядеть.

— На всю нельзя, — говорит Алеша.— Половина будет видна.

— И то — все больше нашей улицы... Скучно тут...

По правде сказать, жутковато мне стало от такой беседы. Вроде — на кладбище. Отошел я, посмотрел на луну — сияет веселая, довольная, радужный круг около нее. Вот, думаю, наваждение, а не девка, то — огонь из-под каблуков, глаза, как звезды, то — в песне голосом теплится, душу обвивает, то — будто отпевает кого... Пойми ее!

Через неделю, что ли, перед вечером собрались все на меловой круче. Сперва песни пели хором, как обычно, потом шуточки, пересмешки, как огонек, стали перебрасываться от одного к другому. Красивая, полногрудая Оля Боярышникова, добрая, но недалекая девушка, сказала своему суженому:

— Ну-ка, завяжи шнурок на ботинке, видишь — развязался... Замуж выйду — не допросишься, сам пить, а меня — на замок!

— А я и сейчас не буду,—похорохорился ее рыжеватый и бойкий суженый. — Ни к чему привыкать-то...

— Завяжи, — сказала ему Соня.

— Я сказал — ни к чему нам это, — подтвердил парень и отошел.

Соня Хмелькова посмотрела на Алешу и Никиту, как всегда на людях сидевших рядом. Потом не спеша, при общем молчании, вытащила из рукава обвязанный платочек и швырнула вниз, на тропинку.

— По-моему так, — сказала она,—как в присловье говорится: «Если любишь, так послужишь, будешь с ножек воду пить!..» Кто послужит Соне Хмельковой, а?

Наверное, любой из парней принес бы платок Соне, но под тяжелым взглядом Никиты все застыли в ожидании. Никита посмотрел на Алешу — тот сидел, не шевелясь, с крепко сжатыми губами, устремив вдаль свой вечно спрашивающий взгляд, и только на шее мелко и часто пульсировала жилка. В тягостном молчании прошла минута, затем Никита медленно встал, принес платок и, стряхнув белую пыль с брюк, сел на прежнее место.

— Видишь, послужил, — сказал он. — Второй раз платок подбираю.

— Спасибо, — засмеялась Соня, сорвала ромашку и подала ему. — Заслужил, носи, не теряй!

— Не потеряю, — усмехнулся Никита. — Выйдешь за меня замуж, подашь сапоги — верну твой цветок, отблагодарю!

— Не дождешься!

— Я упрямый, могу и дождаться...

— Любишь, значит? Откройся при всех, решись!

— Люблю, — сказал Никита.

— Зря...

— А я не для тебя, я — для себя... Мне приятно, что хочу — то и делаю...

Соня разговаривала с Никитой — смотрела на Алешу. А тот поднялся, постоял в нерешительности и пошел вверх, к селу.

— Вернись, Алеша, — позвал Никита. — Тут шутки шутятся...

Алеша не ответил, уходил. Девчата и хлопцы, чтобы загладить всю эту историю, снова начали шутить и передразниваться. А Соня все сидела молча, обняв колени руками, все ниже склоняла голову, и на ресницах ее дрожали горестные слезы. Вечером она, прогнав Никиту, одна печалилась на своей лавочке, а назавтра послала свою боязливую тетку, — мы диву дались, что она ее уговорила! — послала тетку, чтобы та вызвала Алешу на улицу. Не стесняясь людей, не боясь пересудов, она ждала его у дверей... И опять в три голоса пелись песни...

Так и шло до осени. А по горелым листьям, засыпавшим дороги, Алеша ушел в школу крестьянской молодежи — недалеко, за семь километров, а все из села вон. Прощался — спрашивал:

— Не забудешь?

— Нет... Пока жива!

— А Никита?

— Что ж Никита? Ничего...

— Нравится?

— Нравится... А сердце — с тобой. Положи руку, слышишь, стучит — с тобой... с тобой... с тобой! Приходи чаще...

— Приду.

И правда, приходил Алешка, только не часто — все-таки некогда было, учился, по селам культработу вместе с другими проводил. И Соня на вечерках Никиты сторонилась, домой одна или с подругой ходила. Зимой Алеша недели на две приехал, после вечерки всю ночь ходили по снежной улице —обнимет ее за плечи, щекой к щеке прижмутся, подумаешь в сутеми, что один человек.

Как-то сидели на крыльце, и опять Соня пожаловалась, что скучно ей.

— В артистки бы мне, — сказала она.

— Учись.

— А где артистов учат? Не знаю...

— В комсомол иди... Там — клуб, там и учатся, и песни поют.

— В комсомол — нет... По характеру не могу. Тут я — первая, а там — к последним пристраиваться...

— Вот и Никита такой,—сказал Алеша, — гордый.

— Никита — как я... Нас таких только двое и есть...

— А ты — не по сердцу, ты — по разуму поступи...

— По разуму — не получается, сердце сильней...

Алеша долго убеждал ее, она слушала рассеянно, а потом поднялась:

— Пойдем походим — холодно тут, — и вдруг припала к нему, сама поцеловала в первый раз. — Умный ты, Алеша, хороший, уйдешь, а я все буду вслед смотреть, все звать буду... тихо, тихо. Прислушаешься ты, подумаешь—метель шумит, а это я... Ветер теплый прилетит, щеки обласкает, подумаешь — весна пришла, а это я, я...

— Соня, зачем ты так?

— Ничего, Алеша, это я так — шучу... Пойдем!..

Как-то я спросил у Сони Хмельковой — зачем она мучает Алешу? Она сделала вид, что не понимает:

— А чем я его мучаю? Никите хуже, а он молчит.

— И Алеша молчит, не жалуется... Ну, а дальше что?

— «Любить — люби, губить — не губи...». Знаешь, кто это сказал мне? Старый доктор из больницы... У Алеши есть любовь подороже, чем я, — книги, ученье. Десять лет ему под этой любовью ходить — не вырваться... А две сразу — замучаешься...

— Ревнуешь?

— Ревную... Там, где я,— там я одна! А как я скажу это ему? Не могу...

— А ты все-таки скажи...

— Знаешь, что? — обозлилась Соня. — Провались ты со своими советами, мне и так плакать хочется... Иди!

Что мог я поделать? И ведь права она была — первым Алеша от всего села шел учиться, смотришь, дорогу проложит, другим легче. И родители его, и мы, приятели, гордились им и боялись, чтобы не сбила его Соня с пути. Парню и так круто придется. Но и сказать ей об этом не могли —наперекор сделает, еще хуже получится.

Прошел год, наступило лето. Теплым вечером сидел я на меловой круче над обрывом — над тем, к которому плыл когда-то Алеша Круглов в чернильную августовскую ночь. Забрел туда так, от беспричинного томления, задумался. И вдруг услышал я знакомые голоса — шли Алеша и Соня. Хотел я встать навстречу, да раздумал, решил не мешать — пройдут мимо, и все. Они прошли и остановились поблизости. Что у них происходило перед этим, не знаю, а снова первой заговорила Соня:

— Иди, Алеша... Ты — умный, тебе далеко итти, очень далеко, а я — не дойду, на рукаве висеть буду... Характера не хватит! А как станешь виден — и я похвастаюсь по слабости: мой был...

Алеша нервничал, не глядя, обламывал ветки тощего сиреневого куста, на котором уже не было ни одного цветка.

— Тебе Никита нравится?

— И ты тоже... Да у него только я одна и есть. Жалко его.

— А меня?

— Тебя — нет... Впрочем, тебя тоже...

— Он ждет тебя?

— Ждет.

— Соня, Сонечка, не ходи... Пойдем домой, подумай до завтра.

Она покачала головой, тихо вздохнула:

— Не могу.

— Не ходи, Соня... с тобой может что-нибудь случиться!..

— Может... Тогда—через неделю свадьба. Не хотелось бы, только — что ж...

— Не ходи!..

Она ничего не сказала, выпрямилась, как человек, бросающийся в воду, на одно мгновение всем телом прижалась к нему, затем отстранилась и быстро пошла по тропинке — по той, куда бросала когда-то платочек, — пошла вниз, наискосок, к темневшему вдалеке садику, где, видимо, ждал ее Никита. Алеша коротко всхлипнул, наклонился к обрыву:

— Соня!

Ответа не было. Слышны были торопливые шаги и шум падающих камешков. И снова прозвучал жалобный оклик Алеши:

— Со-оня!..

Прошла минута, две, может быть, пять. Шаги удалялись, затем стихли. Далеко внизу, на повороте, мелькнуло светлое, как лунный блик, пятно и растаяло, растворилось в сумеречности настороженного сада. Тогда в третий раз прозвучал жалобный, хватающий за душу крик Алеши:

— Со-о-о-оня-я-я!..

Холодное, равнодушное эхо отозвалось в прибрежных лозах на противоположном берегу Десны, потом, чуть потише, еще раз, в ракитовой роще у протоки, и уже совсем тихо, как звон пролетевшей пчелы, у самого леса — и смолкло. Полная луна стояла над головой, внизу, по реке и озерам катились еще семьдесят лун, а над всем этим, у мелового обрыва, сидел и плакал Алеша, который ни перед какой угрозой и опасностью никогда не опускал своих серых, как бы вечно о чем-то спрашивающих глаз.

Кончилась первая любовь...

Капитан встал, долго чиркал спичкой, прикуривая. Потом он прошел, шурша сеном, к выходу, отстегнул брезентовую дверь палатки. В узком прямоугольнике блеснул кусок реки, чуть подальше, над низинкой, белела полоска тумана, а еще дальше, у самого края луга, высоко светилось продолговатое пятно с размытыми краями.

— Видите? — спросил капитан. — Все светится... Это та самая меловая круча.

Полная луна стояла в небе, все, что попадало в поле зрения, было облито дрожащим, струящимся, чуть зеленоватым светом. И на одно мгновение нам почудилось, что, пролетев через двадцатипятилетие, в воздухе плывет жалобное, печальное, призывное: «Со-о-оня-я!». Капитан вздрогнул, вероятно, от ночной сырости, пристегнул дверь и лег.

— И это все? — спросил с оттенком укора Сашка.

— Все.

— А где она теперь... Соня-то? И Никита?

— Она где-то недалеко в лесу, в могиле... Точно не знаю, не был там. Что-то у нее случилось с немцами, которые одно время оккупировали село, — кажется, под горячую руку зарубила топором ефрейтора. Бежала к партизанам, убили на опушке, а подойти побоялись. Ночью ее унесли свои и похоронили. Никита там, в селе. Уезжал к дочери на Урал — она врач, — но не мог оторваться от родных мест.

— А где Алеша?

Капитан завернулся в одеяло и не ответил...

ЧТО ДУМАЮТ ВОЕННЫЕ ВО ФРАНЦИИ О „ЕВРОПЕЙСКОЙ АРМИИ“

Французская армия, в особенности ее офицеры — кадровые и запасные — охвачены глубоким чувством тревоги...

До 1939 года им было совершенно ясно, в чем заключается главная миссия армии; они доверяли своему верховному командованию и правительству; однако горечь поражения и позор оккупации ошеломили их и рассеяли их иллюзии.

Но победа и освобождение Франции от гитлеровской оккупации вновь зажгли их сердца великой надеждой. Они хотели своим скромным, но вдохновенным трудом помочь Франции создать новую армию, достойную нашей страны и великолепных качеств ее народа, который готов приложить любые усилия для того, чтобы вернуть своей родине прежнее положение, обеспечить мир и национальную независимость страны.

Но эта надежда рухнула. Нашу армию лишили национальной миссии, но зато многим ее кадровым офицерам пришлось пасть рядом со своими солдатами на земле Индо-Китая в несправедливой войне, которой не видно исхода. Атлантический пакт, основанный на принципе «интеграции», объединения сил, денационализировал нашу армию, лишил ее всякого национального значения... Наконец, возможность ратификации боннских соглашений и парижского договора заронила тревогу и растерянность в сердца большинства офицеров и солдат, которые служат Франции под французским командованием.

Та же тревога и растерянность охватывают всех французов, которые хотят, чтобы их дети оставались французскими солдатами на службе Франции и чтобы в случае необходимости, во имя чести и спасения родины, их повели в бой французские офицеры, не зависимые ни от какого иностранного командования.

И когда нашим офицерам, солдатам, нашему народу в целом предлагают, чтобы французская армия слилась с немецкими вооруженными силами, нацистскими по духу, культивирующими идеи реванша и новых завоеваний, угрожающими нам и готовыми, как наглые оккупанты, опять вернуться на нашу землю, это не может не возмущать их, не вызывать в них чувство протеста.

Все это не французское. Наши офицеры и солдаты хотят, чтобы во Франции была французская армия, созданная по образу и подобию нашего народа, верная своему славному прошлому, своим республиканским традициям национальной независимости и свободы всех народов. Они не забыли Вальми и армий Французской революции, которые посеяли семена свободы по всей Европе и всему миру. Как и в наших предках, в них живы — и они сознают это — традиционные идеалы французов: идеалы справедливости, человеческого братства, национальной свободы и независимости, и их воля к миру...

Наши офицеры и солдаты выступают против ратификации боннских соглашений и парижского договора, ибо хотят, чтобы завтра, вдохновляемые теми же идеалами и обладающие теми же качествами — пониманием, твердостью и нерушимой преданностью родине,— какими отличались их предшественники, они могли дать нашей стране национальную армию, армию, которая защищала бы интересы народа, объединяла бы все его силы и была бы способна поэтому защитить независимость нации.

Только тогда наша страна сумеет добиться, чтобы ее голос, призывающий к разуму и справедливости, был всеми услышан. Только тогда она сможет эффективно способствовать сохранению и упрочению мира, горячо желаемого огромным большинством людей, установлению братства между народами.

Генерал ПЕТИ,
член Совета республики Франции.

ВЕЛИКОЕ БРАТСТВО

Георгий ГУЛИА

Десятую годовщину со дня подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой республикой Прага и вся страна встречают с великим подъемом.

Идет завершающий год чехословацкой пятилетки. И мы, советские гости, приглашенные республикой в канун знаменательной даты на традиционный месячник чехословацко-советской дружбы, видели много прекрасного.

Прекрасна дружба народов! Мы, посланцы Советской страны, стремились донести до чехословацких братьев весь жар, всю чистоту и искренность дружеских чувств своего народа. И те же ответные чувства, горячие и искренние, мы встречали повсюду в Чехословакии...

На одной из площадей Праги стоит танк. Он поднят высоко на постамент. Это первый советский танк, который ворвался в Прагу в начале мая 1945 года. И живая, огнедышащая машина стала памятником. К его подножью благодарные пражане приносят полевые цветы...

Великое братство советского народа и народов Чехословакии было скреплено совместно пролитой кровью во вторую мировую войну. Советские воины освобождали Чехословакию, как родину братского народа.

В тяжелые дни гитлеровской оккупации народ Чехословакии не падал духом. Силу в борьбе ему придавала вера в могучий Советский Союз. Договор о взаимной помощи, дружбе и послевоенном сотрудничестве между нашей страной и Чехословацкой республикой, подписанный в Москве в декабре 1943 года, чехословацкий народ принял как верный залог своего близкого освобождения. И оно пришло весной 1945 года. Советская Армия с честью выполнила свой союзнический долг...

Невозможно забыть пережитое. И мы отлично понимали душевное состояние академика Яна Мукаржовского, когда он с волнением и горечью говорил о годах унижения и скорби. И нам понятна та страстность, с какой академик Зденек Неедлы отдает свои силы делу укрепления дружбы и культурных связей между народами Советского Союза и Чехословакии.

Договор, который был заключен в Москве десять лет назад между Советским Союзом и Чехословакией,— этот договор отразил новые, невиданные ранее, отношения между государствами, отношения, основанные на принципах равноправия, полного взаимного доверия и бескорыстной взаимной помощи. В дружбе с Советским Союзом справедливо видят народы Чехословакии источник процветания своей народно-демократической республики, гарантию своего независимого и мирного существования.

Мощно звучит голос чехословацкого народа в защиту мира. Он непреклонно борется вместе с советским народом и всем лагерем мира против возрождения немецкого вермахта, за единую, миролюбивую, демократическую Германию, за смягчение международной напряженности.

Благотворная сила и влияние советско-чехословацкого договора ощущаются на каждом шагу в экономической и культурной жизни страны. Мы с большим интересом знакомились с некоторыми цифровыми данными, опубликованными в пражских газетах. Эти цифры показали нам, как выросла и продолжает расти помощь Советского Союза чехословацкому народному хозяйству. «Перед вами статистика, но особая, статистика, порожденная дружбой и бескорыстием»,— говорил нам чех-переводчик. Оказывается, поставки сырья из Советского Союза для чехословацкой промышленности выросли за последние четыре года в два с лишним раза. Мы нашли в длинном списке товаров, ввозимых из нашей страны в Чехословакию, железную руду, медь и алюминий, тракторы и комбайны, зерносушилки и электрические доилки, пшеницу и хлопок...

В дни месячника чехословацко-советской дружбы, который закончился совсем недавно, мы объехали почти всю Чехословакию. Мы воочию увидели людей, озабоченных тем, чтобы сделать свою страну еще более богатой и сильной, чтобы сделать жизнь радостной для каждого трудового человека. Остравские доменщики бьются за новые тонны чугуна. Гидростроители на Ораве стремятся поскорее завершить строительство, чтобы взяться за следующие плотины, составляющие целую систему гидротехнических сооружений на реках Орава и Ваг.

Мы беседовали с крестьянами. Председатель единого сельскохозяйственного кооператива в селе Нецпалы Ян Грайциар с увлечением рассказал нам о хозяйственных планах своего и соседних кооперативов. Тысячи и тысячи крестьян строят сегодня новую жизнь. Распахиваются межи, на смену коням идут тракторы. Сельское хозяйство получает во все возрастающих масштабах машины, удобрения, электроэнергию.

Народ принимает самое активное участие в той огромной созидательной работе, которую возглавляют Коммунистическая партия и правительство республики. А цель этой работы заключается в быстром и постоянном повышении материальных и культурных благ народа.

И труженики Чехословакии уже добились немалых успехов. За годы пятилетки более чем удвоился, по сравнению с 1937 годом, объем промышленного производства страны. Вместе с ростом производства средств производства увеличивается выпуск товаров народного потребления. В этом году производство товаров широкого потребления возрастет по сравнению с 1948 годом примерно на 68 процентов. Систематически снижаются цены, растет покупательная сила чехословацкой кроны. Наращиваются новые силы для достижения быстрого подъема сельскохозяйственного производства.

И вот некоторые итоги: реальная заработная плата рабочих превысила уровень 1937 года почти на одну треть; все больше и больше средств отпускается на здравоохранение, просвещение, школьное и жилищное строительство, развитие театров, литературы и т. д.

Говоря о сегодняшней жизни чехословацкого труженика, нельзя не напомнить о таком радостном событии, как недавнее снижение розничных цен, которое до конца года принесет населению выгоду в 4,5 миллиарда крон. А повышение заготовительных цен на многие сельскохозяйственные продукты увеличило доходы крестьян почти на один миллиард крон.

Когда в Праге и в других городах спутники показывали нам новые дома для рабочих, они то и дело возвращались в беседах к последнему постановлению правительства о расширении жилищного строительства. «Если за последние четыре года построено сто тысяч квартир,— говорили нам,— то в будущем году мы получим от строителей сорок тысяч новых квартир. Немало!»

Коммунистическая партия намечает широкие планы дальнейшего развития экономики страны в интересах всего народа. В партийных директивах говорится о том, чтобы обеспечить пропорциональное развитие народного хозяйства, добиться значительного повышения сельскохозяйственного производства и роста индивидуального потребления.

«Развитие дружественных отношений и самого тесного сотрудничества с Советским Союзом и всеми странами лагеря мира,— пишет газета «Руде право»,— сделало возможным небывалый подъем нашего народного хозяйства. Благодаря этому наша партия и наше правительство смогли снизить цены и наметить обширную программу, целью которой является дальнейшее повышение в ближайшее время жизненного уровня нашего народа».

Трудовые люди Чехословакии с большим вниманием следят за успехами советских людей. Сотни тысяч слушателей изучают русский язык — язык строителей коммунизма — на народных курсах, по радио, в школах. Тысячи и тысячи читают в подлинниках советские книги.

«Я учусь у героев советских литературных произведений — Зои, Шуры, Олега...», — говорит молодая труженица Зденька Счастная. Она подчеркивает, что советские книги «всегда являются источником нового... Они в каждом пробуждают горячее стремление возможно скорее приблизиться к счастливой и содержательной жизни советских людей».

На заводах и в деревнях мы много слышали о советском человеке, на которого равняются чехословацкие друзья.

Недалеко от города Готвальдова живет художник Янек Кобзань. Он крепко пожимает нам руки.

— Всегда, в любую минуту, даже самую трудную,— говорит он,— советские люди с нами.

И он рассказывает о том, как в дни гитлеровского господства в горах и лесах Моравии крепли партизанские отряды, в которых активное участие принимали советские люди. Художник показывает нам портреты советских партизан. Вот они, грозные мстители! Есть среди них и молодые и пожилые, есть русские, украинцы, казахи...

— А на том склоне,— говорит Кобзань, подводя нас к окну,— похоронен партизан-узбек. На ту могилу и прежде, до освобождения, и теперь, в наши дни, жители ближайших сел носят цветы.

...Народная Чехословакия строится, крепнет. Мы уезжали из этой чудесной страны с яркими впечатлениями. Перед нашими глазами вырастал образ народа-созидателя, который не боится трудностей, не боится врагов, злобно клевещущих на новую Чехословакию. Это — народ, который нашел свое счастье и будет до конца стоять за него...

В Москве, во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей, мы, члены делегации, посетившей Чехословакию, приняли участие в вечере, посвященном десятилетию со дня подписания Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между Чехословакией и Советским Союзом. Советские люди говорили о своей любви и глубоком уважении к народам Чехословакии, об их стремлении к миру и прогрессу вместе со всем лагерем мира и социализма.

И снова перед глазами вставали милые образы людей Чехии и Словакии, образы шахтеров, доменщиков, крестьян, писателей, ученых, детей, с которыми мы говорили как люди одной — большой и крепкой — семьи. Это были образы героев, строящих социализм в своей стране.

ПРАГА—МОСКВА.

Международная почта

ООН И АКЦИИ

Известны такие факты:

На каждой пятой пуле, выстреленной в Корее, фирма «Дюпон де Нэмур» зарабатывала пять центов. А ведь смертоносная продукция этого динамитно-порохового концерна включает в себя еще и артиллерийские снаряды и бомбы...

В 1952 году военные заказы принесли компании «Дженерал электрик», контролируемой Морганом, свыше 150 миллионов долларов чистой прибыли...

Разбогатев на поставках сырья военной промышленности, «Кеннекот коппер корпорейшн» довела свои активы почти до 600 миллионов долларов...

Казалось бы, Организация Объединенных Наций не может иметь ничего общего с этими торговцами смертью и войной. Но вот совсем недавно газета «Нью-Йорк таймс» сообщила кое-что о, так сказать, «предпринимательской деятельности» ООН, которая никак не вяжется с ее целями и задачами. И выяснилась, надо сказать, довольно неприглядная картина.

Благодаря усилиям некоторых чересчур предприимчивых джентльменов, подвизающихся в аппарате ООН, эта организация — корреспондент «Нью-Йорк таймс» специально подчеркивает: «мирная организация» — сделалась теперь акционером трех вышеназванных монополистических фирм, занятых производством вооружения. Ей принадлежат акции «Дюпон де Нэмур», «Дженерал электрик» и «Кеннекот коппер корпорейшн» стоимостью в 300 с лишним тысяч долларов. Кроме того, ООН является собственником акций нескольких десятков других корпораций, которые прямо или косвенно входят в американскую военную машину, и обладателем правительственных ценных бумаг. Как явствует из сообщения «Нью-Йорк таймс», на приобретение всех этих акций и облигаций, кроме средств пенсионного фонда сотрудников аппарата ООН, расходуются также средства так называемого детского фонда и фонда технической помощи, составляющихся из добровольных взносов правительств тех стран, которые являются членами Организации Объединенных Наций.

Объясняя эти финансовые «операции», казначей ООН Ноэль Моно откровенно заявил: «Не существенно, занимается ли компания производством вооружения или лимонада... У нас критерий один: хорошая ли это акция?» Поскольку в настоящее время большинство ведущих американских компаний выполняет заказы Пентагона, именно акции этих компаний, с точки зрения дельцов из ООН, оказываются «хорошими»: по словам Моно, они приносят наибольший доход.

Циничные джентльмены из ООН не смущаются такими, по меньшей мере, странными доходами, которые бросают тень на организацию, призванную охранять мир и безопасность всех народов.

НЕЗАВИДНАЯ ДОЛЯ

«Шофер ищет работу». С таким плакатом на груди этот западногерманский безработный день-деньской стоит на перекрестке, ожидая счастливого случая... Западногерманская газета «Фрайес фольк», опубликовавшая снимок, пишет: «Это один из тех безработных, которым христианско-демократический союз обещал предоставить работу еще во время прошлых выборов в бундестаг».

В аденауэровском «рейхе» — сотни тысяч таких обездоленных людей, лишенных надежды на лучшее будущее. Им предоставлен выбор: либо умереть с голоду, либо итти служить в иностранный легион. Теперь им предоставляется еще одна возможность: вступить в ряды нового вермахта. Незавидная доля!

ШКОЛА И „ГРЯЗНАЯ ВОЙНА“

Для того, чтобы французские дети могли учиться в нормальных условиях, во Франции нужно было бы построить 48 тысяч новых школ. О ненормальном положении, создавшемся в школах, с возмущением пишут все французские газеты. «В чем дело,— восклицает буржуазная газета «Комба»,— неужто Франция слишком мала, чтобы вместить всех своих детей?!» Газета сокрушается о том, что по расходам на народное образование Франция скатилась на одно из последних мест в мире.

В чем же дело? А в том, что все большую часть французского бюджета поглощают расходы на вооружение, навязываемое Франции заправилами агрессивного Северо - атлантического блока. Огромные средства вкладываются в «грязную войну» в Индо-Китае, на продолжении которой также настаивают правящие круги США. Двухнедельных расходов на войну в Индо-Китае, пишет газета «Комба», было бы достаточно для того, чтобы «построить самое необходимое» для французских школьников.

Во Франции нехватает школ. Сплошь и рядом школьники теснятся по 90 человек в одном классе.

— Не давайте ему слишком много есть... Если он пополнеет, вам будет еще труднее определить его в школу...

Рисунок из французской газеты «Карфур».

БРИДЖЕТ НИКОЛЬСОН ДЕЛАЕТ ПОДСЧЕТЫ...

Жена лондонского железнодорожника Бриджет Никольсон написала письмо в редакцию английской газеты «Дейли уоркер». Поводом для письма послужил официальный индекс стоимости жизни в сегодняшней Англии. По подсчетам властей, 13 шиллингов 6 пенсов есть «средняя минимальная еженедельная сумма, необходимая на содержание ребенка». У Бриджет Никольсон трое детей, и она хорошо знает, что на такие деньги прокормить ребенка невозможно. По этому поводу она и высказалась.

По мнению Никольсон, люди, составившие индекс, не учитывали самых элементарных потребностей средней семьи. «Каждый понедельник с утра,— пишет она,— я погружаюсь в тяжелое раздумье — как бы на этой неделе сделать так, чтобы денег хватило до пятницы». И все-таки их не хватает!..

«Беда начинается еще до утреннего завтрака. Трое ребят энергично чистят зубы. А я, как коршун, слежу за зубной пастой, чтобы дети не израсходовали тюбик за неделю. Ведь это стоит 1 шиллинг 7 пенсов...» И она спрашивает: «А может быть, нашим детям не полагается употреблять зубную пасту?»

Как всякая мать, Бриджет Никольсон хочет, чтобы ее дети ели хлеб с маслом. Между тем, пишет она, буржуазная газета «Обсервер» «давно ведет кампанию за то, чтобы трудящиеся потребляли больше маргарина—он-де для них достаточно хорош...»

Кроме еды, существует проблема одежды и обуви. Никольсон пишет о тяжелой необходимости итти к сапожнику, чтобы отдать детскую обувь в починку. «Каждая пара подметок стоит 9 шиллингов 6 пенсов. Интересно, учитывал ли тот, кто составлял индекс стоимости жизни, что детям нужна обувь?.. А носки? Разве дети не должны носить носки? На прошлой неделе я вынуждена была потратить 24 шиллинга на детские носки».

Помимо всего этого имеются, естественно, элементарные нужды и у нее самой и у ее мужа, который много работает, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Он, например, не может себе позволить покупать папиросы и делает их сам, причем так экономит табак, что «к концу недели они больше похожи на спички, чем на папиросы».

Бриджет Никольсон гневно пишет: «Они называют это «уровнем жизни». А разве это жизнь, когда вы должны отказывать себе и своей семье в каждой мелочи?.. Поскольку подлинная стоимость жизни куда выше, чем та, которую признают официальные господа, отстукивающие цифры на электрических счетных машинах, я предлагаю, чтобы нынешний индекс был переименован из «индекса стоимости жизни» в «индекс стоимости того, чтобы не умереть от голода»...

Смесь

Повторение пройденного. Западногерманская реваншистская газета «Дейче зольдатен-цейтунг» развернула широкую кампанию по вербовке солдат в новый вермахт. Недавно газета поместила на первой странице большое объявление, в котором говорится: «Военная карьера сулит большие возможности отважным молодым людям. Перспективы чрезвычайно благоприятны».

Уцелевшие гитлеровские вояки могли бы дать авторитетную справку о том, насколько «благоприятны» подобные перспективы!

Издевательство. Музыкальная комедия «Моя крошка Аида», демонстрируемая в Нью-Йорке, представляет собой издевательскую обработку знаменитой оперы Верди. По словам рекламы, получился «Верди в южном стиле». Авторы «обработки» внесли в либретто «незначительные» изменения. Так, Аида из города Мемфиса в Египте была переселена в город Мемфис штата Теннесси (США). Музыка была также «обработана» соответствующим образом. В результате Верди получился не столько в южном, сколько в ковбойском стиле.

Дорог, как память. В копенгагенской католической школе преподавание немецкого языка до сих пор ведется по учебнику, изданному в 1941 году. Из этого учебника, рассказывает датская газета «Информашон», дети могут узнать, например, что флаг со свастикой является государственным флагом Германии, а Адольф Гитлер — ее фюрером.

«Информашон», однако, не считает нужным упомянуть о том, что боннская «республика» 1953 года идет по пути гитлеровской «третьей империи».

Жизнь в могиле. Случай, о котором мы расскажем, произошел недавно в Париже. Он красноречиво свидетельствует о том, в каких условиях живут во Франции переселенцы из Северной Африки. Молодой алжирец Амар, сообщает газета «Альжер репюбликэн», приехал в Париж в поисках работы. Ведя нищенский образ жизни, он долгое время «проживал» в глубокой яме на одном из пустырей города. В ночь на 15 ноября после продолжительных дождей в яме произошел обвал, и Амар оказался погребенным заживо. Он был спасен только благодаря энергичным действиям своих товарищей, «проживающих» в таких же ямах неподалеку.

Итальянские фильмы

Б. ГАЛАНОВ

Среди разнообразных чувств, которые возбуждают произведения прогрессивной итальянской кинематографии, — первым хочется назвать чувство искренней симпатии к итальянскому народу, главному герою этих фильмов, симпатии и горячего участия к его нелегкой судьбе.

Есть сотни и сотни картин, специально предназначенных для того, чтобы сеять рознь и вражду, воздвигать искусственные преграды между народами. Прогрессивные итальянские фильмы помогают разрушать такие преграды. Простые истории о простых людях Италии, их страданиях и надеждах,— в каком бы уголке земли ни демонстрировались эти фильмы,— служат укреплению взаимопонимания и солидарности трудящихся — самой возвышенной и благородной задаче современности.

До войны у нас мало знали произведения итальянского кино. Официальная кинематография, состоявшая на службе у фашизма и клерикальной реакции, была так же непопулярна у себя на родине, как и за ее пределами. Но «Рим — открытый город», появившиеся вслед за ним «Похитители велосипедов», «Мечты на дорогах», «Под небом Сицилии» и, наконец, недавно показанные в московском Доме кино в связи с месячником итало-советской дружбы «Дорога надежды», «Нет мира под оливами», «Неаполь — город миллионеров» и «Два гроша надежды» позволяют говорить о подлинно национальной кинематографии Италии.

В каждом из этих фильмов не может не взволновать жгучая правда мужественного, беспощадного реализма, сила видения жизни и при всем том глубокая вера, что народ итальянский, обездоленные труженики Италии достойны иной, счастливой судьбы. Не случайно в самих названиях фильмов «Дорога надежды» и «Два гроша надежды» дважды повторено слово «надежда». Итальянская кинематография не имела прежде таких картин. Талантливые режиссеры Витторио де Сика, Пьетро Джерми, Луиджи Дзампа, Альдо Вергано, Джузеппе де Сантис, Луккино Висконти, Эдуардо де Филиппо, Ренато Кастеллани, Марио Камерини, сценарист Чезаре Дзаваттини, актеры Анна Маньяни, Массимо Джиротти, Иза Миранда и их товарищи — вывели итальянское кино из состояния жалкого провинциального прозябания и обеспечили ему первое место среди прогрессивной кинематографии капиталистических стран. Это молодое искусство зарождалось в дни войны и антифашистского сопротивления. Его вызвали к жизни великие потрясения военных лет. А темы и образы ему были подсказаны новыми бедствиями и страданиями, обрушившимися на страну в послевоенные годы.

В итальянских фильмах мы напрасно станем искать цветущие сады, апельсиновые рощи, прославленное поэтами лазурное небо. Кино как бы бросает вызов всем привычным традиционным представлениям об Италии. В связи с этим хочется сказать несколько слов и о значении пейзажа. Он не только сообщает итальянским фильмам особый, неповторимый колорит, но органически входит в сюжет, играет важную роль в общем замысле произведения. Италия де Сантиса или Джерми — это выжженная солнцем и выметенная ветром голая сицилийская земля. Это — дикие горные районы юга страны, жители которых никогда не видели моря. Это — пыльные каменистые дороги, неуютные рабочие городки с их уродливыми, похожими на каменные мешки жилищами бедноты. Это — Италия грязных трущоб, узких кривых закоулков, Италия шумных, больших городов, где человек так же бесправен и угнетен, как в глухом горном селении, в толчее равнодушной толпы так же одинок, как и в сицилийской степи. И всюду здесь разыгрываются полные драматизма события, о которых нам рассказывает прогрессивная итальянская кинематография.

Полицейская облава в горах Чочарии на бедняка-крестьянина Франческо Доменичи, своей жестокостью напоминающая охоту за диким зверем («Нет мира под оливами»), трагическое бегство во Францию доведенных до отчаяния рабочих серных рудников («Дорога надежды»), ужасающая в своей правдивости история «похитителя велосипедов» безработного Антонио Риччи — все это факты, почерпнутые из жизни капиталистического общества, из книг прогрессивных писателей, из хроники происшествий, иногда занимающей всего несколько строк петита на последних страницах газет. Но сознательно подчеркивая документальную основу своих картин, деятели итальянской кинематографии никогда не превращаются в протоколистов.

Это — кинематография социальная, жгуче-злободневная. Классовая принадлежность каждого персонажа всегда ясно подчеркнута. И при всем том, картины, которые мы видели, как правило, свободны от схематизма и прямолинейности, от тех лобовых приемов, которые еще никогда не могли затронуть струны человеческого сердца. В лучших произведениях итальянского кино много большого, человечного. При всей будничности сюжетов в них всегда живет высокая поэзия — поэзия мужества, любви, самоотверженности. Почти каждый персонаж здесь — характер, иногда сложный, многогранный и благодаря этому правдивый и убедительный. Вот юная Кармела, героиня фильма «Два гроша надежды», упрямая, порывистая, своенравная. Но сколько силы в этой девушке, с каким подкупающим мужеством и наивной непосредственностью она борется за своего Антонио. Вот ревнивая, раздражительная Линда («Мечты на дорогах»). Образ почти отрицательный. И опять же, какой она оказывается самоотверженной, горячо любящей женой и надежным другом своего мужа. А разве старуха-мать в фильме «Два гроша надежды» не сохраняет привлекательных черт народного характера, не вызывает сочувствия к своей трудной судьбе?

Большая любовь к народу и большая вера в народ помогают мастерам итальянского кино так вот изображать своих героев, не приукрашивая их, не скрывая недостатков, и в то же время с такой берущей за душу сердечностью. Посмотрите, с какой любовью вглядываются режиссеры и операторы в лица голодных детей, с их трагическим выражением недетской серьезности, в лица стариков, молодых мужчин и женщин. Это больше, чем документальные кадры. Это всегда художественные образы. В глазах людей, то печальных и суровых, то веселых, вы читаете целую повесть о горе, страданиях и надеждах народа.

Вообще, чудесная сила кинематографа, который может уловить на лице человека тонкую игру чувств и запечатлеть самые сокровенные движения души, показать изобилие жизненных подробностей и щедро отразить быт, умело использована в итальянских фильмах.

Как в классических произведениях итальянской живописи, в итальянских фильмах всегда есть пространство и глубина. Тщательно проработанный режиссером «второй план» всегда наполнен множеством живых, красноречивых деталей, и это усиливает впечатление жизненности, достоверности всего происходящего.

Об актерах итальянского кино нужно писать особо. Здесь хочется отметить то общее, что объединяет их всех,— абсолютную естественность, отсутствие всякого наигрыша и фальши, большую искренность и покоряющий темперамент. Это относится к профессиональным актерам и к тем талантливым представителям народа — обитателям римских окраин, безработным Милана и Неаполя, батракам Сицилии, которых Кастеллани, де Сика и другие режиссеры смело приглашают на главные роли в своих фильмах. Но именно потому, что и профессиональным актерам и тем, кто впервые пришел в кино, близки и понятны страдания народа, их игра обретает такую силу и убедительность.

Прогрессивная итальянская кинематография сложилась как определенное направление. Достижения отдельных мастеров стали достоянием всего прогрессивного итальянского киноискусства. Может быть, поэтому и недостатки у разных режиссеров сходные. В своем стремлении возможно полнее воспроизвести на экране тяжелую жизнь итальянских тружеников иные режиссеры становятся на путь натуралистического изображения быта и бесчеловечных жестокостей. Работа других внушает опасение, не переходят ли они к некоторой эстетизации нужды и нищеты.

Иногда в итальянских фильмах слаб, наивен финал. Их авторы часто и сами не знают, какой выход подсказать отчаявшемуся похитителю велосипедов, разоренному горцу-пастуху, демобилизованному солдату, а если и знают, то не могут ничего подсказать в условиях свирепой цензуры. Фильм де Сантиса завершается ободряющими словами полицейского, примирением героя и закона. Но гневное, обличительное название фильма утверждает другое: «Нет мира под оливами». И все его реалистическое содержание подтверждает невозможность социального мира в капиталистическом обществе.

Герои итальянских фильмов не только жертвы суровой действительности, они — стойкие борцы. Борется герой фильма «Два гроша надежды» — Антонио. Как истинный сын итальянского народа, он никогда не унывает, полон веры в свои силы. Борется пастух Франческо из фильма «Нет мира под оливами». Но каждый из них борется в одиночку. Однако трудолюбия, упорства, огромной физической и душевной выдержки одного человека еще не достаточно в жестокой борьбе за существование.

Сама действительность вплотную подводит героев итальянских фильмов к мысли о коллективных действиях, о солидарности простых тружеников. Стоит вспомнить финал картины «Под небом Сицилии», где честный судья — патриот Гвидо Скьяви, набатом собирая население города, прямо обращается к народу с призывом подняться на борьбу против террористической бандитской организации, связанной с местной феодальной знатью. Знаменателен и финал картины «Два гроша надежды». Когда Антонио публично отрекается от помощи черствого и скупого отца Кармелы и, срывая с нее платье, в котором она ушла из отцовского дома, надевает на девушку свою последнюю рубашку, вся улица встает на его сторону. К Кармеле протягиваются дружеские руки. Ее наряжают в новое платье, на ноги надевают красивые туфли. Это напоминает одну из итальянских сказок Горького — поэтичную историю о том, как сельская община помогла отпраздновать свадьбу двум беднякам и как им радостно было назвать в этот день людей сердечным словом «наши»...

Прогрессивные деятели итальянской кинематографии создают свои честные фильмы — правдивый дневник современной Италии, в жестокой борьбе с реакционными кругами, с политикой подчинения национальной кинопромышленности Италии американскому диктату. И в своей борьбе за национальное искусство они не одиноки. Современные итальянские новеллы, недавно опубликованные в журнале «Новый мир», поэзия Джанни Родари, которую узнали и полюбили советские читатели, свидетельствуют о существовании единого демократического направления в итальянском кино, литературе и, добавим, в живописи.

Эта верность избранной цели и эта решимость художника изображать жизнь своего народа так, как подсказывают ему ум, совесть, талант, заслуживают самого высокого уважения.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03868.